

**В.И. ЛЕНИН,
И.В. СТАЛИН
О НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ**

ISBN 978-5-901833-76-6

9 785901 833766

***Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!***

Библиотечка отдела
по национальной политике
ЦК КПРФ

**В.И.Ленин,
И.В.Сталин
о национальном
вопросе**

Москва 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальный вопрос является одним из самых важных и самых сложных вопросов общественного развития. Литература, посвященная этой актуальной проблеме, огромна. Но среди выдающихся творений мировой научной мысли произведения В.И.Ленина и И.В.Сталина занимают особое место.

Пристальное внимание основоположников Большевиcтской партии и Советского государства к национально-колониальному вопросу очевидно. Оно определялось особенностью России как многонационального государства, в котором свыше половины населения составляли нерусские народы. Не менее важна была необходимость четко определить задачи молодой российской социал-демократии в построении научно обоснованной национальной политики.

Исторически и политически было бы неверно отрицать, что в условиях деспотизма российского самодержавия имел место национальный гнет. Но он исходил не от простых русских тружеников, а от многонациональной царской администрации, власть имущей элиты, угнетавшей и нерусские народы, и русских людей. Именно правящий слой пытался вбить клин в добрые взаимоотношения между русским и «иностранческим» населением и, бывало, эти замыслы удавались. Разжигая национальную рознь, эксплуататоры стремились в братоубийственном столкновении отделить друг от друга народы России, утопить в крови освободительное движение пролетариата, увековечить самодержавно-помещичий строй.

Царизм, тормозивший движение страны вперед, ревностно охранял привилегии многонациональных российских помещиков и капиталистов, эксплуататорскую вольность иностранной буржуазии. Под железной пятой угнетателей страдала вся многонациональная Россия. В этом смысле она действительно была тюрьмой народов. Однако русские в ней были не тюремщиками, не палачами, а заключенными, наряду с прочими народами, связанными единством исторической судьбы.

Великий Октябрь устранил это противоречие. Исторической заслугой В.И.Ленина и И.В.Сталина является то, что, опираясь на марксистскую методологию, они впервые в политической науке создали цельное и стройное учение по национально-колониальному вопросу. Именно они разработали национальную программу Коммунистической партии в условиях победоносной социалистической революции. В период революционного штурма капитализма партия соединила в один общий поток общедемократическую борьбу за мир, крестьянское движение за ликвидацию помещичьего землевладения, национально-освободительное движение поработенных народов и социалистическое движение рабочего класса за свержение всевластия буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

На основе взаимного доверия и сплоченности вокруг великого русского народа был создан Союз Советских Социалистических Республик. Экономической основой этой дружбы выступала социалистическая система хозяйства, общественная собственность на средства производства. С ликвидацией капиталистического строя и эксплуатации человека человеком были созданы условия для преодоления национальной ненависти и вражды.

Теоретическое наследие Ленина и Сталина по национальному вопросу носит новаторский характер. Оно формировалось в неразрывной связи с социальной практикой. Поэтапно обогащаясь новым опытом, новыми положениями и выводами, оно соответствовало постоянно меняющимся историческим условиям. Основатели большевистской партии доказали полную научную несостоятельность и политическую ошибочность точки зрения так называемых «империалистических экономистов» - группы Бухарина, Пятакова и ряда «левых» теоретиков в международном рабочем движении – К.Радека, Г.Гротера и других, которые пытались отрицать или принизить значение национального вопроса в эпоху империализма, отвергали прогрессивный характер национально-освободительных движений, выступали против требования права наций на самоопределение.

Для нас, российских коммунистов, наш общественный идеал и преданность социалистической перспективе давно и неразрывно слились с национальными ценностями: коллективизмом, презрением к несправедливо нажитым деньгам, жаждой социальной справедливости. Развивая бессмертное учение Ленина и Сталина, КПРФ на современном этапе видит свою важнейшую задачу в соединении социально-классовой и национально-освободительной борьбы. Такое соединение является важнейшим условием перехода России к социализму. Ибо социализм – это политическая система, призванная обеспечить как государственные, так и классовые интересы трудового народа.

История сегодня вновь поставила многонациональный российский народ перед тем же выбором, что и в 1917-м, и в 1941 году: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны с превращением ее в сырьевой придаток. Вот почему так значимы для нас вдумчивое изучение и творческое применение основополагающих идей Ленина и Сталина по национальному вопросу.

Г.А. ЗЮГАНОВ,
*Председатель ЦК КПРФ,
доктор философских наук*

В.И. Ленин
**О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ
ВЕЛИКОРОССОВ**

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна “передовых” публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и “марксистских”) писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость “родины”, величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий “по течению”. Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют “тюрьмой народов”; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд “новых”, больших и малых наций; — в такой мо-

мент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и “инородцев”, чтобы “решить” целый ряд национальных вопросов сообразно интересам совета объединенного дворянства¹ и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: “жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы”². Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда *ее* не было. Теперь *ее* мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить

свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, введут нас на войну” чтобы душили Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. “защитой отечества” великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

“Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы”³, так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Велико-россии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), “защищать отечество” иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам “защищать отечество” иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Велико-россии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализирует, унижает, обесценивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрес-

сивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами)⁴. Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот “марксист”, который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами — эту разницу забывают наши поклонники истинно русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордо-

сти великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма.

*“Социал-Демократ” № 35,
12 декабря 1914 г.*

*Печатается по тексту
газеты. “Социал-Демократ”*

¹ *Совет объединенного дворянства* — контрреволюционная организация крепостников-помещиков, оформившаяся в мае 1906 года на первом съезде уполномоченных губернских дворянских обществ и существовавшая до октября 1917 года. Основной целью организации была защита самодержавного строя, крупного помещичьего землевладения и дворянских привилегий. Во главе Совета объединенного дворянства стояли граф А.А.Бобринский, князь Н.Ф.Касаткин-Ростовский, граф Д.А.Олсуфьев, В.М.Пуришкевич и др. Ленин называл Совет объединенного дворянства “советом объединенных крепостников”. Совет объединенного дворянства фактически превратился в полуправительственный орган, диктовавший правительству законодательные мероприятия, направленные к защите интересов крепостников. Значительное число членов Совета объединенного дворянства входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций.

² В.И.Ленин приводит цитату из романа Н.Г.Чернышевского “Пролог” (см. Н.Г.Чернышевский. Полное собрание сочинений, том XIII, 1949, стр. 197).

³ Ф.Энгельс. “Эмигрантская литература” (см. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 223).

⁴ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 166.

В.И. Ленин
**О ПРАВЕ НАЦИЙ
НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ**

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал в последнее время (как мы уже указывали в “Просвещении”)* целый поход оппортунистов. И русский ликвидатор Семковский в петербургской ликвидаторской газете, и бундовец Либман, и украинский национал-социал Юркевич — в своих органах обрушились на этот параграф, третируя его с видом величайшего пренебрежения. Нет сомнения, что это “нашествие двенадцати языков” оппортунизма на нашу марксистскую программу стоит в тесной связи с современными националистическими шатаниями вообще. Поэтому подробный разбор поднятого вопроса представляется нам своевременным. Заметим только, что ни единого самостоятельного довода ни один из названных оппортунистов не привел: все они повторяют лишь сказанное Розой Люксембург в ее длинной польской статье 1908-1909 года: “Национальный вопрос и автономия”. С “оригинальными” доводами этого последнего автора мы и будем чаще всего считаться в нашем изложении.

**1. ЧТО ТАКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
НАЦИЙ?**

Естественно, что этот вопрос становится в первую голову, когда делаются попытки марксистски рассмотреть так называемое самоопределение. Что следует понимать под ним? Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих “общих понятий” права? Или ответа/надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 113—150. Ред.

Неудивительно, что гг. Семковские, Либманы, Юркевичи даже и не догадались поставить этого вопроса, отделяясь простым хихиканьем по поводу “неясности” марксистской программы и, видимо, даже не зная, в своей простоте, что о самоопределении наций говорит не только российская программа 1903 года, но и решение Лондонского международного конгресса 1896 года (об этом подробно в своем месте). Гораздо более удивительно, что Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса, в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира?

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутрежелезнодорожника буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма,

является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не “сочиняя” абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства.

Мы увидим ниже еще другие причины, почему неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование. Теперь же мы должны остановиться на том, как Роза Люксембург пыталась “отделаться” от неизбежного вывода о глубоких экономических основаниях стремлений к национальному государству.

Розе Люксембург прекрасно известна брошюра Каутского: “Национальность и интернациональность” (приложение к “Neue Zeit”¹, №1, 1907-1908; русский перевод в журнале “Научная Мысль”, Рига, 19082). Ей известно, что Каутский*, подробно разобрав в § 4 этой брошюры вопрос о национальном государстве, пришел к выводу, что Отто Бауэр “недооценивает силу стремления к созданию национального государства” (стр. 23 цитируемой брошюры). Роза Люксембург цитирует сама слова Каутского: “Национальное государство есть форма государства, наиболее соответствующая современным” (т. е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-

* В 1916 году, готовя переиздание статьи, В. И. Ленин к этому месту сделал примечание. “Просим читателя не забывать, что Каутский до 1909 г до его прекрасной брошюры “Путь к власти” был врагом оппортунизма, к защите которого он повернул лишь в 1910-1911 гг, а решительнее всего лишь в 1914-1916 гг.”

прогрессивным в отличие от средневековых, докапиталистических и проч.) “условиям, есть та форма, в которой оно всего легче может выполнить свои задачи” (т. е. задачи наиболее свободного, широкого и быстрого развития капитализма). К этому надо добавить еще более точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым” (отсталым). Само собою разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма.

Спрашивается теперь, как же отнеслась Роза Люксембург к этим историко-экономическим выводам Каутского. Верны они или неверны? Прав ли Каутский с его историко-экономической теорией или Бауэр, теория которого является, в основе своей, психологической? В чем состоит связь несомненного “национального оппортунизма” у Бауэра, его защиты культурно-национальной автономии, его националистических увлечений (“кое-где усиление национального момента”, как выразился Каутский), его “громдного преувеличения момента национального и полного забвения момента интернационального” (Каутский), с его недооценкой силы стремления к созданию национального государства?

Роза Люксембург не поставила даже этого вопроса. Она не заметила этой связи. Она не вдумалась в целое теоретических взглядов Бауэра. Она совсем даже не противопоставила историко-экономической и психологической теории в национальном вопросе. Она ограничилась следующими замечаниями против Каутского.

“...Это “наилучшее” национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию и теоретической защите, но не соответствующая действительности” (“Przegląd Socjaldemokratyczny”, 1908, № 6, стр. 499)

И в подтверждение этого решительного заявления следуют рассуждения о том, что развитие великих капиталистических держав и империализм делают иллюзорным “право на самоопределение” мелких народов. “Можно ли серьезно говорить, — восклицает Роза Люксембург, — о “самоопределении” формально независимых черногорцев, болгар, румын, сербов, греков, отчасти даже швейцарцев, независимость которых сама является продуктом политической борьбы и дипломатической игры “европейского концерта”² (стр. 500). Наилучше соответствует условиям “не государство национальное, как полагает Каутский, а государство хищническое”. Приводится несколько десятков цифр о величине колоний, принадлежащих Англии, Франции и пр.

Читая подобные рассуждения, нельзя не подивиться способности автора не понимать, что к чему! Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существует империализм и колонии, — это какое-то смешное, детское умничание, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала “богатых” буржуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически, колонией Европы, как указал еще Маркс в “Капитале”³. Все это Каутскому и каждому марксисту, конечно, прекрасно известно, но по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т. е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны.

Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний “великих держав” либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и порабощать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства. Пример Азии говорит за Каутского, против Розы Люксембург.

Пример балканских государств тоже говорит против нее, ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств.

Следовательно, и пример всего передового цивилизованного человечества, и пример Балкан, и пример Азии доказывают, вопреки Розе Люксембург, безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и “норма” капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплуатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств. Это значит, что “самоопределение нации” в программе марксистов не может иметь, с историко-

экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Какими условиями обставляется, с марксистской, т.е. классовой пролетарской, точки зрения, поддержка буржуазно-демократического требования “национального государства”, об этом подробно будет речь ниже. Сейчас мы ограничиваемся определением понятия “самоопределения” и должны еще только отметить, что Роза Люксембург знает о содержании этого понятия (“национальное государство”), тогда как ее оппортунистические сторонники, Либманы, Семковские, Юркевичи, не знают даже и этого!

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНКРЕТНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее “тяжелого на подъем” слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитый капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями, причем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т.д. и т.п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов данной страны без учета всех этих общеисторических и конкретно-государственных условий.

И вот здесь как раз мы натываемся на самое слабое место в рассуждениях Розы Люксембург. Она с необыкновенным усердием украшает свою статью набором “крепких” словечек против § 9 нашей программы, объявляя его “огульным”, “шаблоном”, “метафизической фразой” и так далее без конца. Естественно было бы ожидать, что писательница, так превосходно осуждающая метафизику (в марксовском смысле, т. е. антидиалектику) и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху?

Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит! Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении, — вы у нее не найдете!

Нам говорят, что иначе ставится национальный вопрос на Балканах, чем в Ирландии, что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848 года (страница выписок из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии и битву под Моргартеном, имевшую место в 1315 году (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т.п.

Нельзя сказать, чтобы эти замечания и цитаты блистали новизной, но, во всяком случае, читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И, перечитывая поучительные цитаты из Маркса и Энгельса, видишь с особенной наглядностью, в какое смешное положение поставила себя Роза Люксембург. Она красноречиво и сердито проповедует необходимость конкретно-исторического анализа национального вопроса в разных странах в разное время, — и она не делает ни малейшей попытки определить, какую же историческую стадию развития капитализма переживает Россия в начале XX века, каковы особенности национального вопроса в этой стране. Роза Люксембург показывает примеры, как другие разбирали вопрос по-марксистски, точно нарочно подчеркивая этим, как часто благими намерениями мостят ад, добрыми советами прикрывают нежелание или неумение пользоваться ими на деле.

Вот одно из поучительных сопоставлений. Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1898 года, доказавшую быстрое “промышленное развитие Польши” с сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о праве на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д. Роза же Люксембург незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, со-

единяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений.

Но вот переходит наша Роза к вопросу об автономии и — хотя ее статья озаглавлена “Национальный вопрос и автономия” вообще — начинает доказывать исключительное право королевства Польского на автономию (смотри об этом “Просвещение” 1913 г., № 12*). Чтобы подтвердить право Польши на автономию. Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим, и политическим, и бытовым, и социологическим — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие “азиатского деспотизма” (№ 12 “Przegląd’a”⁴, стр. 137).

Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации. Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко докапиталистическим характером, существует национально-отграниченная область с быстрым развитием капитализма, то, чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и докапиталистическим государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого, — области, связанной с целым не “современно-капиталистическими”, а “азиатско-деспотическими” связями.

Роза Люксембург, таким образом, совершенно не свела концов с концами даже по вопросу о социальной структуре власти в России по отношению к буржуазной Польше, а вопроса о конкретно-исторических особенностях национальных движений в России она даже и не поставила.

На этом вопросе мы и должны остановиться.

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 143—150. Ред.

3. КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ЕЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

“...Несмотря на растяжимость принципа “право нации на самоопределение”, который является чистейшим общим местом, будучи, очевидно, одинаково применимым не только к народам, живущим в России, но и к нациям, живущим в Германии и Австрии, Швейцарии и Швеции, Америке и Австралии, мы не находим его ни в одной программе современных социалистических партий...” (№ 6 “Przegląd’a”, стр. 483).

Так пишет Роза Люксембург в начале своего похода против § 9 марксистской программы. Подсовывая нам понимание этого пункта программы, как “чистейшего общего места”, Роза Люксембург сама именно в этот грех и впадает, заявляя с забавной смелостью, будто этот пункт “очевидно, одинаково применим” к России, Германии и т. д.

Очевидно, — ответим мы, — что Роза Люксембург решила дать в своей статье собрание логических ошибок, которые годятся для учебных занятий гимназистов. Ибо тирада Розы Люксембург — сплошь бессмыслица и насмешка над исторически-конкретной постановкой вопроса.

Если толковать марксистскую программу не по-ребячьи, а по-марксистски, то весьма нетрудно смекнуть, что она относится к буржуазно-демократическим национальным движениям. Раз так, — а это, несомненно, так, — то отсюда “очевидно”, что эта программа относится “огульно”, как “общее место” и т. д., ко всем случаям буржуазно-демократических национальных движений. Не менее очевидным был бы также для Розы Люксембург, при самом небольшом размышлении, тот вывод, что программа наша относится только к случаям наличности такого движения.

Подумав над этими очевидными соображениями, Роза Люксембург без особого труда увидела бы, какую бессмыслицу она сказала. Обвиняя нас в преподнесении “общего места”, она против нас приводит тот довод, что о самоопре-

делении наций не говорится в программе тех стран, где нет буржуазно-демократических национальных движений. Замечательно умный довод!

Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненно как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран. Например, аграрную программу российских марксистов могут “сравнивать” с западноевропейскими только полные невежды (подобно князю Е.Трубецкому в “Русской Мысли”), ибо наша программа дает ответ на вопрос о буржуазно-демократическом аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах.

То же самое относится к национальному вопросу. В большинстве западных стран он давным-давно решен. Смешно искать ответа на несуществующие вопросы в западных программах. Роза Люксембург упустила здесь из виду как раз самое главное: различие между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями.

В этом различии весь гвоздь. Полное игнорирование этого различия и превращает длиннейшую статью Розы Люксембург в набор пустых, бессодержательных общих мест.

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего “востока”. И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

Но продолжим еще несколько вышеприведенную цитату из статьи Розы Люксембург:

“.. В особенности, — пишет она, — программа партии, которая действует в государстве с чрезвычайно пестрым национальным составом и для которой национальный вопрос играет первостепенную роль, — программа австрийской социал-демократии не содержит принципа о праве наций на самоопределение” (там же).

Итак, читателя хотят убедить “в особенности” примером Австрии. Посмотрим, с конкретно-исторической точки зрения, много ли разумного в этом примере. Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848 годом и закончилась 1867. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т.е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) нет факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств. Предполагая своим сравнением, что Россия находится, по этому пункту, в аналогичных условиях, Роза Люксембург не только делает в корне неверное, антиисторическое допущение, но и скатывается невольно к ликвидаторству.

Во-2-х, особенно большое значение имеет совершенно различное соотношение между национальностями в Австрии

и в России по занимающему нас вопросу. Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта “претенция”, как может быть благоволил припомнить Роза Люксембург (столь не любящая будто бы общие места, шаблоны, абстракции...), разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась за пределами самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году. С другой стороны, попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение еще в 1849 году, под ударами русского крепостного войска.

Таким образом создано чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне).

Есть ли что-либо похожее в России? Есть ли у нас тяготение “инородцев” к соединению с великорусами под угрозой худшего национального гнета?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы увидеть, до какой степени сравнение России с Австрией по вопросу о самоопределении наций бессмысленно, шаблонно и невежественно.

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великорусы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что “инородцы” (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в

европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в-4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в “инородческих” окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Впрочем, даже с чисто фактической стороны утверждение Розы Люксембург, что в программе австрийские с.-д. нет признания права наций на самоопределение, неверно. Стоит открыть протоколы Брюннского съезда, принявшего национальную программу⁵, и мы увидим там заявления русинского с.-д. Ганкевича от имени всей украинской (русинской) делегации (стр. 85 протоколов) и польского с.-д. Регера от имени всей польской делегации (стр. 108) о том, что австрийские с.-д. обеих указанных наций включают в число своих стремлений стремление к национальному объединению, свободе и самостоятельности своих народов. Следовательно, австрийская социал-демократия, не выставя прямо в своей программе права наций на самоопределение, в то же время вполне мирится с выставлением частями партии требования национальной самостоятельности. Фактически это и значит, разумеется, признавать право наций на самоопределение! Ссылка Розы Люксембург на Австрию оказывается, таким образом, во всех отношениях говорящей против Розы Люксембург.

4. “ПРАКТИЦИЗМ” В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

С особенным усердием подхватили оппортунисты тот довод Розы Люксембург, что § 9 нашей программы не содержит в себе ничего “практического”. Роза Люксембург так восхищена этим доводом, что мы встречаем иногда в ее статье по восьми раз на странице повторение этого “лозунга”.

§ 9 “не дает, — пишет она, — никакого практического указания для повседневной политики пролетариата, никакого практического разрешения национальных проблем”.

Рассмотрим этот довод, который формулируется еще так, что § 9 либо не выражает ровно ничего, либо обязывает поддерживать все национальные стремления.

Что означает требование “практичности” в национальном вопросе?

Либо поддержку всех национальных стремлений; либо ответ: “да или нет” на вопрос об отделении каждой нации; либо вообще непосредственную “осуществимость” национальных требований.

Рассмотрим все эти три возможных смысла требования “практичности”.

Буржуазия, которая естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его, называет практическим делом поддержку всех национальных стремлений. Но политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой. Рабочий класс поддерживает буржуазию только в интересах национального мира (которого буржуазия не может дать вполне и который осуществим лишь в меру полной демократизации), в интересах равноправия, в интересах наилучшей обстановки классовой борьбы. Поэтому как раз против практицизма буржуазии пролетарии выдвигают принципиальную политику в национальном вопросе, всегда поддерживая буржуазию лишь условно. Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для своей нации, либо исключительных выгод для нее;

это и называется “практичным”. Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности. Требовать от него “практицизма” значит идти на поводу буржуазии, впадать в оппортунизм.

Дать ответ: “да или нет” на вопрос об отделении каждой нации? Это кажется требованием весьма “практичным”. А на деле оно нелепо, метафизично теоретически, на практике же ведет к подчинению пролетариата политике буржуазии. Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами “своей” нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обаяясь дать ничего насчет другой нации.

Пусть это не “практично”, но это на деле вернее всего гарантирует наиболее демократическое из возможных решений; пролетариату нужны только эти гарантии, а буржуазии каждой нации нужны гарантии ее выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций.

Буржуазии интереснее всего “осуществимость” данного требования, — отсюда вечная политика сделок с буржуазией иных наций в ущерб пролетариату. Пролетариату же важно укрепление своего класса против буржуазии, воспитание масс в духе последовательной демократии и социализма.

Пусть это не “практично” для оппортунистов, но это единственная гарантия на деле, гарантия максимального национального равноправия и мира вопреки и феодалам и националистической буржуазии.

Вся задача пролетариев в национальном вопросе “непрактична”, с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют “абстрактного”

равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

Почему великорусскому? Потому что великорусы в России нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно, оппортунизм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя “практичности” своих требований будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стремлений. Всего практичнее сказать прямое “да”, за отделение такой-то нации, а не за право отделения всех и всяких наций!

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического переименования буржуазных стремлений.

Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете буржуазный национализм угнетенных наций. Так говорит Роза Люксембург, так повторяет за ней оппортунист Семковский — единственный, кстати сказать, представитель ликвидаторских идей по этому вопросу в ликвидаторской газете!

Мы отвечаем: нет, именно буржуазии важно здесь “практичное” решение, а рабочим важно принципиальное выделение двух тенденций. Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за свой буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации.

Если мы не выставим и не проведем в агитации лозунга права на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму угнетающей нации. Этот довод Каутский давно выдвинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь “помочь” националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле черносотенцам великорусам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великорусов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь с стремлением польского буржуа давить еврея и т.д. и т.д.

Это — “непрактично” с точки зрения буржуа и мещанина. Это — единственно практичная и принципиальная и действительно помогающая демократии, свободе, пролетарскому союзу политика в национальном вопросе.

Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность.

Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения* требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда

* Некому Л. Вл. из Парижа это слово кажется немарксистским. Этот Л. Вл. забавно “superklug” (в ироническом переводе на русский “вумный”). “Вумный” Л. Вл. собирается, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классовой борьбы!) слов: “заселение”, “народ” и т. п.

такого подавления со стороны “высших” классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели.

Но идти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства различных наций. Суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, не известных заранее. И, не пытаясь “гадать” попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации.

В скачках, которые переживали все страны в эпоху буржуазных революций, столкновения и борьба из-за права на национальное государство возможны и вероятны. Мы, пролетарии, заранее объявляем себя противниками великорусских привилегий и в этом направлении ведем всю свою пропаганду и агитацию.

Гоняясь за “практицизмом”, Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского и инонационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных

привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

Пусть эта пропаганда “непрактична” и с точки зрения великорусов-угнетателей и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те и другие требуют определенного да или нет, обвиняя с.-д. в “неопределенности”). На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении.

Для более конкретного пояснения этой, единственно пролетарской, политики в национальном вопросе мы рассмотрим отношение к “самоопределению наций” великорусского либерализма и пример отделения Норвегии от Швеции.

5. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОПОРТУНИСТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Мы видели, что одним из главных своих “козырей” в борьбе против программы российских марксистов Роза Люксембург считает такой довод: признание права на самоопределение равняется поддержке буржуазного национализма угнетенных наций. С другой стороны, говорит Роза Люксембург, если понимать под этим правом только борьбу против всякого насилия по отношению к нациям, то особый пункт программы не нужен, ибо с.-д. вообще против всякого национального насилия и неравноправия.

Первый довод, как неопровержимо указал почти 20 лет тому назад Каутский, сваливает национализм с больной головы на здоровую, ибо, боясь национализма буржуазии угнетен-

ных наций, Роза Люксембург оказывается на деле играющей на руку черносотенному национализму великорусов! Второй довод есть, в сущности, боязливое уклонение от вопроса:

включает ли или не включает признание национально-го равноправия признание права на отделение? Если да, то, значит, Роза Люксембург признает принципиальную правильность § 9-го нашей программы. Если нет, значит, она не признает национального равноправия. Уклончивостью и увертками тут делу не поможешь!

Однако лучшей проверкой вышеуказанных и всех подобных доводов является изучение отношения к вопросу различных классов общества. Для марксиста такая проверка обязательна. Надо исходить из объективного, надо взять взаимоотношение классов по данному пункту. Не делая этого, Роза Люксембург впадает как раз в тот грех метафизичности, абстрактности, общего места, огульности и пр., в котором она тщетно пытается обвинить своих противников,

Речь идет о программе российских марксистов, т. е. марксистов всех национальностей России. Не следует ли взглянуть на позицию господствующих классов России?

Позиция “бюрократии” (извиняемся за неточное слово) и феодальных помещиков типа объединенного дворянства общеизвестна. Безусловное отрицание и равноправия национальностей и права на самоопределение. Старый, взятый из времен крепостного права лозунг: самодержавие, православие, народность, причем под последней имеется в виду только великорусская. Даже украинцы объявлены “инородцами”, даже их родной язык преследуется.

Взглянем на буржуазию российскую, “призванную” к участию — очень скромному, правда, но все же участию во власти, в системе законодательства и управления “3-го июня”. Что октябристы идут на деле за правыми в данном вопросе, об этом тратить много слов не приходится. К сожалению, некоторые марксисты гораздо менее внимания обращают на позицию либеральной великорусской буржуазии, прогрессистов и кадетов. А между тем, кто не изучит этой позиции и не вдумается в нее, тот неизбежно впадет в грех

абстрактности и голословности при обсуждении права наций на самоопределение.

В прошлом году полемика “Правды” с “Речью” заставила этот главный орган партии к.-д., столь искусный в дипломатическом уклонении от прямого ответа на “неприятные” вопросы, сделать все же некоторые ценные признания. Сырбор загорелся из-за всеукраинского студенческого съезда в Львове летом 1913 года⁶. Присяжный “украиновец” или украинский сотрудник “Речи” г. Могиланский поместил статью, в которой осыпал самыми отборными ругательствами (“бред”, “авантюризм” и пр.) идею сепарации (отделения) Украины, идею, за которую ратовал национал-социал Донцов и которую одобрил названный съезд.

Газета “Рабочая Правда”, нисколько не солидаризируясь с г. Донцовым, прямо указав, что он национал-социал, что с ним не согласны многие украинские марксисты, заявила, однако, что тон “Речи”, вернее: принципиальная постановка вопроса “Речи” совершенно неприлична, недопустима для великорусского демократа или желающего слыть демократом человека*. Пусть “Речь” прямо опровергает гг. Донцовых, но принципиально недопустимо великорусскому органу якобы демократии забывать о свободе отделения, о праве на отделение.

Несколько месяцев спустя г. Могиланский в № 331 “Речи” выступил с “объяснениями”, узнав из львовской украинской газеты “Шляхи”⁷ о возражениях г. Донцова, который, между прочим, отметил, что “шовинистический выпад “Речи” надлежащим образом запятнала (заклеймила?) только русская с.-д. пресса”. “Объяснения” г. Могиланского состояли в том, что он троекратно повторил, “критика рецептов г. Донцова” “ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение”.

“Следует сказать, — писал г. Могиланский, — что и “право наций на самоопределение” не является каким-то фетишем (слушайте!!), не допускающим критики нездоровые условия жизни, нации могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение”.

* См. Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 337—348. Ред.

Как видите, фразы либерала насчет “фетиша” были вполне в духе фраз Розы Люксембург. Было очевидно, что г. Могилянский желал уклониться от прямого ответа на вопрос: признает он или нет право на политическое самоопределение, т. е. на отделение?

И “Пролетарская Правда” (№ 4 от 11 декабря 1913 г.) в упор поставила этот вопрос и г. Могилянскому и к.-д. партии*.

Газета “Речь” поместила тогда (<№ 340) неподписанное, т. е. официально-редакционное, заявление, дающее ответ на этот вопрос. Ответ этот сводится к трем пунктам:

1) В § 11 программы к.-д. партии прямо, точно и ясно говорится о “праве свободного культурного самоопределения” наций.

2) “Пролетарская Правда”, по уверению “Речи”, “безнадежно смешивает” самоопределение с сепаратизмом, отделением той или иной нации.

3) “Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право “отделения наций” от русского государства”. (См. статью: “Национал-либерализм и право наций на самоопределение” в “Пролетарской Правде” № 12 от 20 декабря 1913 г.**)

Обратим внимание сначала на второй пункт заявления “Речи”. Как наглядно показывает он господам Семковским, Либманам, Юркевичам и прочим оппортунистам, что их крики и толки насчет будто бы “неясности” или “неопределенности” смысла “самоопределения” представляют из себя на деле, т. е. по объективному соотношению классов и классовой борьбы в России, простой перепев речей либерально-монархической буржуазии!

Когда “Пролетарская Правда” поставила гг. просвещенным “конституционалистам-демократам” из “Речи” три вопроса: 1) отрицают ли они, что во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, право на образование самостоятельного национального государства? 2) отрицают ли они, что известное решение

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 208—210. Ред.

** См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 247—249. Ред.

Лондонского международного социалистического конгресса 1896 года имеет тот же смысл? и 3) что Плеханов, еще в 1902 г. писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение? — когда “Пролетарская Правда” поставила эти три вопроса, господа кадеты замолчали!!

Они не ответили ни слова, потому что им нечего было ответить. Они молча должны были признать, что “Пролетарская Правда” безусловно права.

Крики либералов на тему о неясности понятия “самоопределения”, о “безнадежном смещении” его с сепаратизмом у с.-д. есть не что иное, как стремление запутать вопрос, уклониться от признания общеустановленного демократией принципа. Если бы гг. Семковские, Либманы и Юркевичи не были так невежественны, они бы посовестились выступить перед рабочими в либеральном духе.

Но пойдем дальше, “Пролетарская Правда” заставила “Речь” признать, что слова о “культурном” самоопределении имеют в программе к.-д. смысл именно отрицания политического самоопределения.

“Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право “отделения наций” от русского государства” — эти слова “Речи” “Пролетарская Правда” недаром рекомендовала “Новому Времени” и “Земщине”⁸, как образец “лояльности” наших кадетов. Газета “Новое Время” в № 13563, не упуская, конечно, случая вспомнить “жида” и сказать всяческую колкость кадетам, заявила, однако:

“Что для эсдеков составляет аксиому политической мудрости” (т.е. признание права наций на самоопределение, на отделение), “то по нынешним временам даже в кадетской среде начинает возбуждать разногласия”.

Кадеты встали принципиально на вполне одинаковую позицию с “Новым Временем”, заявив, что они “никогда и не брались защищать право отделения наций от русского государства”. В этом и состоит одна из основ национал-либерализма кадетов, их близости к Пуришкевичам, их идейно-политической и практически-политической зависимости от этих последних. “Господа кадеты учились истории,

— писала “Пролетарская Правда”, — и знают прекрасно, к каким, выражаясь мягко, “погромообразным” действиям приводило нередко на практике применение исконного права Пуришкевичей “тащить и не пущать”¹⁰⁰. Прекрасно зная феодальный источник и характер всевластия Пуришкевичей, кадеты тем не менее становятся целиком на почву именно этим классом созданных отношений и границ. Прекрасно зная, как много неевропейского, антиевропейского (азиатского, сказали бы мы, если бы это не звучало, как незаслуженное пренебрежение к японцам и китайцам) в отношениях и границах, созданных или определенных этим классом, господа кадеты признают их пределом, его же не преjdeши.

Это и есть приспособление к Пуришкевичам, раболепство перед ними, боязнь поколебать их положение, защита их от народного движения, от демократии. “Это означает на деле, — писала “Пролетарская Правда”, — приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы с этими предрассудками”¹⁰¹.

Как люди, знакомые с историей и претендующие на демократизм, кадеты не делают даже попытки утверждать, что демократическое движение, характеризующее в наши дни и Восточную Европу и Азию, стремящееся переделать ту и другую по образцу цивилизованных, капиталистических стран, — что это движение должно непременно оставить неизменными границы, определенные феодальной эпохой, эпохой всевластия Пуришкевичей и бесправия широких слоев буржуазии и мелкой буржуазии.

Что вопрос, поднятый полемикой “Пролетарской Правды” с “Речью”, вовсе не был только литературным вопросом, что он касался действительной политической злобы дня, это доказала, между прочим, последняя конференция к.-д. партии 23—25 марта 1914 года. В официальном отчете “Речи” (№ 83, 26 марта 1914) об этой конференции читаем:

“Национальные вопросы обсуждались также особенно оживленно. Киевские депутаты, к которым примкнули Н. В. Некрасов и А. М. Коллюбакин, указывали, что национальный

вопрос есть назревающий крупный фактор, которому необходимо пойти навстречу более решительно, чем это было прежде Ф. Ф. Кокошкин указал, однако” (это то самое “однако”, которое соответствует щедринскому “но” — “не растут уши выше лба, не растут”), “что и программа и предыдущий политический опыт требуют очень осторожного обращения с “растяжимыми формулами” “политического самоопределения национальностей””

Это в высшей степени замечательное рассуждение на кадетской конференции заслуживает громадного внимания всех марксистов и всех демократов. (Заметим в скобках, что “Киевская Мысль”, видимо, очень хорошо осведомленная и, несомненно, правильно передающая мысли г. Кокошкина, добавила, что он специально выдвигал, конечно в виде предостережения своим оппонентам, угрозу “распада” государства.)

Официальный отчет “Речи” составлен виртуозно-дипломатически, чтобы возможно меньше поднять завесу, чтобы возможно больше скрыть. Но все же в основных чертах ясно, что произошло на кадетской конференции. Делегаты — либеральные буржуа, знакомые с положением дел в Украине, и “левые” кадеты поставили вопрос именно о политическом самоопределении наций. Иначе г-ну Кокошкину незачем было бы призывать к “осторожному обращению” с этой “формулой”.

В программе кадетов, которая, разумеется, была известна делегатам кадетской конференции, стоит именно не политическое, а “культурное” самоопределение. Значит, г. Кокошкин защищал программу от делегатов с Украины, от левых кадетов, защищал “культурное” самоопределение против “политического”. Совершенно очевидно, что, восставая против “политического” самоопределения, выдвигая угрозу “распада государства”, называя формулу “политического самоопределения” “растяжимую” (вполне в духе Розы Люксембург!), г. Кокошкин защищал великорусский национал-либерализм против более “левых” или более демократических элементов к.-д. партии и против украинской буржуазии.

Г-н Кокошкин победил на кадетской конференции, как это видно из предательского словечка “однако” в отчете “Речи”.

Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов. Не поможет ли эта победа проявлению умов тех неразумных единиц среди марксистов России, которые тоже начали бояться, вслед за кадетами, “растяжимых формул политического самоопределения национальностей”?

Посмотрим, “однако”, по существу дела, на ход мыслей г-на Кокошкина. Ссылаясь на “предыдущий политический опыт” (т.е., очевидно, на опыт пятого года, когда великорусская буржуазия испугалась за свои национальные привилегии и испугала своим испугом кадетскую партию), выдвигая угрозу “распада государства”, г. Кокошкин обнаружил прекрасное понимание того, что политическое самоопределение не может означать ничего другого, кроме как права на отделение и на образование самостоятельного национального государства. Спрашивается, как следует смотреть на эти опасения г-на Кокошкина с точки зрения демократии, вообще, и с точки зрения пролетарской классовой борьбы, в особенности?

Г-н Кокошкин хочет уверить нас, что признание права на отделение увеличивает, опасность “распада государства”. Это — точка зрения будочника Мымрецов Э.Г. с его девизом: “тащить и не пущать”. С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение уменьшает опасность “распада государства”.

Г-н Кокошкин рассуждает совершенно в духе националистов. На своем последнем съезде они громили украинцев “мазепинцев”. Украинское движение — восклицал г. Савенко и К^о — грозит ослаблением связи Украины с Россией, ибо Австрия украинофильством укрепляет связь украинцев с Австрией!! Оставалось непонятным, почему же Россия не может попробовать “укрепить” связь украинцев с Россией тем же методом, который гг. Савенки ставят в вину Австрии, т. е. предоставлением украинцам свободы родного языка, самоуправления, автономного сейма и т. п.?

Рассуждения гг. Савенко и гг. Кокошкиных совершенно однородны и одинаково смешны и нелепы с чисто логической стороны. Не ясно ли, что чем больше свободы будет иметь украинская национальность в той или другой стране, тем прочнее будет связь этой национальности с данной страной?

Кажется, нельзя спорить против этой азбучной истины, если не порвать решительно со всеми послылками демократизма. А может ли быть большая свобода национальности, как таковой, чем свобода отделения, свобода образования самостоятельного национального государства?

Чтобы разъяснить еще более этот, запутываемый либералами (и теми, кто по неразумению перепевает их) вопрос, приведем самый простой пример. Возьмем вопрос о разводе. Роза Люксембург пишет в своей статье, что централизованное демократическое государство, вполне мирясь с автономией отдельных частей, должно оставить в ведении центрального парламента все важнейшие отрасли законодательства и, между прочим, законодательство о разводе. Эта заботливость об обеспечении центральной властью демократического государства свободы развода вполне понятна. Реакционеры против свободы развода, призывая к “осторожному обращению” с ней и крича, что она означает “распад семьи”. Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии, привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; — что на деле свобода развода означает не “распад” семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

Обвинять сторонников свободы самоопределения, т. е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма — такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей. Подобно тому, как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения, т. е. отделения наций, означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим.

Несомненно, что политиканство, вызываемое всеми отношениями капиталистического общества, вызывает иногда крайне легкомысленную и даже просто вздорную болтовню

парламентариев или публицистов об отделении той или иной нации. Но только реакционеры могут давать себя запугать (или прикидываться, будто они запуганы) подобной болтовней. Кто стоит на точке зрения демократии, т. е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс — “дистанция огромного размера”¹⁰. Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся.

Итак, с какой стороны ни подойти к рассуждениям г-на Кокошкина, они оказываются верхом нелепости и насмешкой над принципами демократии. Но известная логика в этих рассуждениях есть; это — логика классовых интересов великорусской буржуазии. Г-н Кокошкин, как и большинство партии к.-д., — лакей денежного мешка этой буржуазии. Он защищает ее привилегии вообще, ее государственные привилегии в особенности, защищает их вместе с Пуришкевичем, рядом с ним, — только Пуришкевич больше верит в крепостную дубину, а Кокошкин с К^о видят, что дубина эта пятым годом сильно надломана, и полагаются более на буржуазные средства надувания масс, например, на запугивания мещан и крестьян призраком “распада государства”, на обман их фразами о соединении “народной свободы” с историческими устоями и т. д.

Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций — одно и только одно: национал-либерализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии.

И российские оппортунисты среди марксистов, ополчившиеся именно теперь, в эпоху третьейиюньской системы, против права наций на самоопределение, все эти:

ликвидатор Семковский, бундист Либман, украинский мелкий буржуа Юркевич, на деле просто плетутся в хвосте национал-либерализма, развращают рабочий класс национал-либеральными идеями.

Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы с.-д. стали отрицать право самоопределения, т. е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы с.-д. взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций. Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой или польская предпочтительно перед еврейской и т. д. Наемный рабочий, сознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями. Развитие капитализма идет и будет идти вперед, так или иначе, и в едином пестром государстве и в отдельных национальных государствах.

Во всяком случае наемный рабочий останется объектом эксплуатации, и успешная борьба против нее требует независимости пролетариата от национализма, полной, так сказать, нейтральности пролетариев в борьбе буржуазии разных наций за первенство. Малейшая поддержка пролетариатом какой-либо нации привилегий “своей” национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, разъединит их на радость буржуазии. А отрицание права на самоопределение, или на отделение, неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации.

Мы еще нагляднее можем убедиться в этом, если возьмем конкретный пример отделения Норвегии от Швеции.

6. ОТДЕЛЕНИЕ НОРВЕГИИ ОТ ШВЕЦИИ

Роза Люксембург берет именно этот пример и рассуждает по поводу его следующим образом:

“Последнее событие в истории федеративных отношений, отделение Норвегии от Швеции, — в свое время торопливо подхваченное социал-патриотичной польской печатью (см. краковский “Напшуд”) как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению, — немедленно превратилось в разительное доказательство того, что федерализм и вытекающее из него государственное отделение отнюдь не являются выражением прогрессивности или демократизма. После так называемой норвежской “революции”, которая состояла в смещении и удалении из Норвегии шведского короля, норвежцы преспокойно выбрали себе другого короля, формально отвергнув народным голосованием проект учреждения республики. То, что поверхностные поклонники всяких национальных движений и всяческих подобию независимости провозгласили “революцией”, было простым проявлением крестьянского и мелкобуржуазного партикуляризма, желания за свои деньги иметь “собственного” короля вместо навязанного шведской аристократией, а следовательно, было движением, не имеющим решительно ничего общего с революционностью. Вместе с тем эта история разрыва шведско-норвежской унии снова доказала, до какой степени и в данном случае федерация, существовавшая до тех пор, была только выражением чисто династических интересов, а следовательно, формой монархизма и реакции” (“Пшеглонд”).

Это — буквально все, что говорит Роза Люксембург по данному пункту!! И, надо признаться, трудно было бы рельефнее обнаружить беспомощность своей позиции, чем сделала это Роза Люксембург в данном примере.

Вопрос шел и идет о том, необходима ли для с.-д. в пестром национальном государстве программа, признающая право на самоопределение или на отделение.

Что же говорит нам по этому вопросу взятый самой Розой Люксембург пример Норвегии?

Наш автор вертится и виляет, остроумничает и шумит против “Напшуда”¹¹, но на вопрос не отвечает!!

Роза Люксембург говорит о чем угодно, чтобы не сказать ни слова по существу вопроса!!

Несомненно, что норвежские мелкие буржуа, пожелав за свои деньги иметь своего короля и провалив народным голосованием проект учреждения республики, обнаружили весьма дурные мещанские качества. Несомненно, что “Напшуд”, если он не заметил этого, обнаружил столь же дурные и столь же мещанские качества.

Но при чем все это??

Ведь речь шла о праве наций на самоопределение и об отношении социалистического пролетариата к этому праву! Почему же Роза Люксембург не отвечает на вопрос, а ходит кругом да около?

Говорят, для мыши сильнее кошки зверя нет. Для Розы Люксембург, видимо, сильнее “фрака” зверя нет. “Фраками” зовут в просторечии “польскую социалистическую партию”, так называемую революционную фракцию, и краковская газетка “Напшуд” разделяет идеи этой “фракции”. Борьба Розы Люксембург с национализмом этой “фракции” до того ослепила нашего автора, что из его кругозора исчезает все, кроме “Напшуда”.

Если “Напшуд” говорит: “да”, Роза Люксембург считает своим священным долгом немедленно провозгласить: “нет”, совершенно не думая, что таким приемом она обнаруживает не свою независимость от “Напшуда”, а, как раз напротив, свою забавную зависимость от “фраков”, свою неспособность взглянуть на вещи с точки зрения немного более глубокой и широкой, чем точка зрения краковского муравейника. “Напшуд”, конечно, очень плохой и вовсе не марксистский орган, но это не должно помешать нам разобрать по существу пример Норвегии, раз мы его взяли.

Чтобы разобрать этот пример по-марксистски, мы должны остановиться не на дурных качествах ужасно страшных “фраков”, а, во-1-х, на конкретных исторических особенностях отделения Норвегии от Швеции и, во-2-х, на том, каковы были задачи пролетариата обеих стран при этом отделении.

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих невеликорусских славянских наций с великорусами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о “федерации” Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию отдали Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и Швецией существовали непрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях в какую форму принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример фактически доказывает обязательность для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались только так, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не “по-русски”. Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось

отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский “Напшуд”, ибо она прекрасно понимала, до какой степени бесповоротно опровергает этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть “утопия”, будто оно равняется праву “есть на золотых тарелках” и т. п. Такие фразы выражают лишь убого-самодовольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями Восточной Европы.

Пойдем далее. В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций. Роза Люксембург обошла скромненько и этот вопрос, чувствуя, как неприятен для ее “теории” разбор его на взятом ею примере Норвегии.

Какова была и должна была быть позиция норвежского и шведского пролетариата в конфликте из-за отделения? Сознательные рабочие Норвегии голосовали бы, конечно, после отделения за республику*, и если были социалисты, голосовавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме. Об этом не может быть двух мнений, и мы касаемся данного пункта лишь потому, что Роза Люксембург пытается замаять суть дела разговорами не на тему. По вопросу об отделении мы не знаем, обязывала ли социалистическая норвежская программа норвежских с.-д. держаться одного определенного мнения. Допустим, что нет, что норвежские социалисты оставляли открытым вопрос о том, насколько достаточна была для свободной классовой борьбы автономия Норвегии и насколько тормозили свободу хозяйственной жизни вечные трения и конфликты с шведской аристократией. Но что норвежский пролетариат должен был идти против этой аристократии за норвежскую крестьянскую демократию (при всех мещанских ограничениях последней), это неоспоримо.

* Если большинство норвежской нации было за монархию, а пролетариат за республику, то перед норвежским пролетариатом, вообще говоря, открывалось два пути: или революция, если условия для нее назрели, или подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации.

А шведский пролетариат? Известно, что шведские помещики, споспешествуемые шведскими попами, проповедовали войну против Норвегии, и так как Норвегия гораздо слабее Швеции, так как она испытывала уже шведское нашествие, так как шведская аристократия имеет очень сильный вес в своей стране, то проповедь эта была очень серьезной угрозой. Можно ручаться, что шведские Кокошкины долго и усердно развращали шведские массы призывами к “осторожному обращению” с “растяжимыми формулами политического самоопределения наций”, размалевыванием опасностей “распада государства” и уверениями в совместимости “народной свободы” с устоями шведской аристократии. Не подлежит ни малейшему сомнению, что шведская социал-демократия изменила бы делу социализма и делу демократии, если бы она не боролась изо всех сил и с помещичьей и с “кокошкинской” идеологией и политикой, если бы она не отстаивала помимо равноправия наций вообще (признаваемого и Кокошкиными) права наций на самоопределение, свободы отделения Норвегии.

Тесный союз норвежских и шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность выигрывала от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение. Ибо норвежские рабочие убеждались в том, что шведские не заражены шведским национализмом, что братство с норвежскими пролетариями для них выше, чем привилегии шведской буржуазии и аристократии. Разрушение связей, навязанных Норвегии европейскими монархами и шведскими аристократами, усилило связи между норвежскими и шведскими рабочими. Шведские рабочие доказали, что через все перипетии буржуазной политики — вполне возможно на почве буржуазных отношений возрождение насильственного подчинения норвежцев шведам! — они сумеют сохранить и отстоять полное равноправие и классовую солидарность рабочих обеих наций в борьбе и против шведской и против норвежской буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неосновательны и просто даже несерьезны попытки, делаемые иногда “фраками”, “использовать” наши разногласия с Розой Люксембург против

польской социал-демократии. “Фраки” — не пролетарская, не социалистическая, а мелкобуржуазная националистическая партия, нечто вроде польских социал-революционеров. Ни о каком единстве российских с.-д. с этой партией никогда не было и не могло быть речи. Наоборот, ни один российский социал-демократ никогда не “раскаивался” в сближении и соединении с польскими с.-д. Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями. Но эта заслуга польских с.-д. является великой заслугой не благодаря тому обстоятельству, что Роза Люксембург наговорила вздору против § 9 российской марксистской программы, а вопреки этому печальному обстоятельству.

Для польских с.-д. “право самоопределения”, конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием “перегибать палку”. Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе российских марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть “польскими националистами навыворот”, а не российскими, не интернациональными социал-демократами.

Ибо интернациональная социал-демократия стоит именно на почве признания права наций на самоопределение. К этому мы теперь и переходим.

7. РЕШЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА 1896 ГОДА

Решение это гласит:

“Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения (Selbstbestimmungsrecht) всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (Klassenbewusste = сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии”*.

Как мы уже указывали, наши оппортунисты, гг. Семковский, Либман, Юркевич, просто-таки не знают об этом решении. Но Роза Люксембург знает и приводит его полный текст, в котором стоит то же выражение, что и в нашей программе: “самоопределение”.

Спрашивается, как же устраняет Роза Люксембург это препятствие, лежащее на пути ее “оригинальной” теории?

О, совсем просто: ...центр тяжести здесь во второй части резолюции... декларативный характер ее... только по недоразумению можно на нее сослаться!!

Беспомощность и растерянность нашего автора просто поразительны. Обыкновенно на декларативный характер последовательных демократических и социалистических программных пунктов указывают одни оппортунисты, трусливо уклоняясь от прямой полемики против них. Видимо, недаром на этот раз Роза Люксембург оказалась в печальной компании гг. Семковских, Либмана и Юркевича. Прямо заявить Роза Люксембург не решается, считает ли она приведенную

* См. официальный немецкий отчет о Лондонском конгрессе” “Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen sozialistischen Arbeiter- und Gewerkschafts-Kongresses zu London, vom 27 Juli bis 1 August 1896”, Berlin, 1896, S. 18 (“Протоколы и постановления международного конгресса социалистических рабочих партий и профессиональных союзов в Лондоне, с 27 июля по 1 августа 1896”, Берлин, 1896, стр. 18. Ред) Есть русская брошюра с решениями международных конгрессов, где вместо “самоопределения” переведено неправильно: “автономия”.

резолюцию правильной или ошибочной. Она увертывается и прячется, как бы рассчитывая на такого невнимательного и незнающего читателя, который забывает первую часть резолюции, дочитывая до второй, или никогда не слышал о дебатах в социалистической печати перед Лондонским конгрессом.

Но Роза Люксембург очень ошибается, если воображает, что ей удастся, перед сознательными рабочими России, так легко наступить ногой на резолюцию Интернационала по важному принципиальному вопросу, не соблаговолжая даже критически разобрать ее.

В дебатах перед Лондонским конгрессом — главным образом на страницах журнала немецких марксистов “Die Neue Zeit” — была выражена точка зрения Розы Люксембург, и эта точка зрения, по существу, потерпела поражение перед Интернационалом! Вот в чем суть дела, которую в особенности должен иметь в виду русский читатель.

Дебаты велись по поводу вопроса о независимости Польши. Три точки зрения были высказаны:

1) Точка зрения “фраков”, от имени которых выступал Геккер. Они хотели, чтобы Интернационал своей программой признал требование независимости Польши. Это предложение не было принято. Эта точка зрения потерпела поражение перед Интернационалом.

2) Точка зрения Розы Люксембург: польские социалисты не должны требовать независимости Польши. О провозглашении права наций на самоопределение с этой точки зрения не могло быть и речи. Эта точка зрения тоже потерпела поражение перед Интернационалом.

3) Точка зрения, которую тогда всего обстоятельнее развивал К. Каутский, выступая против Розы Люксембург и доказывая крайнюю “односторонность” ее материализма. С этой точки зрения, Интернационал не может в настоящее время ставить своей программой независимость Польши, но польские социалисты — говорил Каутский — вполне могут выставлять подобное требование. С точки зрения социалистов, безусловно ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

В резолюции Интернационала и воспроизведены самые существенные, основные положения этой точки зрения: с одной стороны, совершенно прямое и не допускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к интернациональному единству их классовой борьбы.

Мы думаем, что эта резолюция совершенно правильна и что для стран Восточной Европы и Азии в начале XX века именно эта резолюция и именно в неразрывной связи обеих своих частей дает единственно правильную директиву пролетарской классовой политики в национальном вопросе.

Остановимся несколько подробнее на трех вышеуказанных точках зрения.

Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи “крестьянской реформы” в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской*.¹²

* Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863 года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии (Ср. “Историческая Польша и великорусская демократия” Драгоманова) Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П.Б. Струве.

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего исключительного революционного значения.

Если ППС (“Польская социалистическая партия”, нынешние “фраки”) пыталась в 1896 году “закрепить” точку зрения Маркса иной эпохи, то это означало уже использование буквы марксизма против духа марксизма. Поэтому совершенно правы были польские социал-демократы, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе.

Значило ли это, однако, что Интернационал в начале XX века мог признать излишним для Восточной Европы и для Азии принцип политического самоопределения наций? их права на отделение? Это было бы величайшим абсурдом, который равнялся бы (теоретически) признанию законченного буржуазно-демократического преобразования государств турецкого, российского, китайского; — который равнялся бы (практически) оппортунизму по отношению к абсолютизму.

Нет. Для Восточной Европы и Азии, в эпоху начавшихся буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения и обострения национальных движений, в эпоху возникновения самостоятельных пролетарских партий, задача этих партий в национальной политике должна быть двусторонняя: признание права на самоопределение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне, не по-либеральному, не по-кокошкински, от-

стаивает равноправие наций, — и теснейший, неразрывный союз классовой борьбы пролетариев всех наций данного государства, на все и всяческие перипетии его истории, при всех и всяческих переделках буржуазией границ отдельных государств.

Именно эту двустороннюю задачу пролетариата формулирует резолюция Интернационала 1896 года. Именно такова, в ее принципиальных основах, резолюция летнего совещания российских марксистов 1913 года. Есть люди, которым кажется “противоречивым”, что эта резолюция в 4-ом пункте, признавая право на само определение, на отделение, как будто бы “дает” максимум национализму (на деле в признании права на самоопределение всех наций есть максимум демократизма и минимум национализма), — а в пункте 5-ом предостерегает рабочих против националистических лозунгов какой бы то ни было буржуазии и требует единства и слияния рабочих всех наций в интернационально-единых пролетарских организациях. Но видеть здесь “противоречие” могут лишь совсем плоские умы, не способные понять, например, почему единство и классовая солидарность шведского и норвежского пролетариата выиграли, когда шведские рабочие отстаивали свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство.

8. УТОПИСТ КАРЛ МАРКС И ПРАКТИЧНАЯ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Объявляя “утопией” независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает: почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, “практичной” Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стоит остановиться, чтобы показать анализ конкретного требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения.

Маркс имел обыкновение “щупать зуб”, как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их созна-

тельность и убежденность¹³. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

“...Слабый пункт: Польша. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии”¹⁴.

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает общий социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток:

непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от “великодержавной” буржуазии.

Надо оговориться, прежде чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — “смелые глупости”. “Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение”. В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в “шляхетско-сонной Польше”. “Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!”¹⁵. Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864 году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 года), что приходится бороться с национализмом Мадзини. “Когда в адресе речь

идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства”, — пишет Маркс. По сравнению с “рабочим вопросом” подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866 год. Маркс пишет Энгельсу про “прудонскую клику” в Париже, которая “объявляет национальности бессмыслицей и нападает на Бисмарка и Гарибальди. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья, Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету и невежество... то они смешны” (письмо от 7 июня 1866 г.).

“Вчера, — пишет Маркс 20 июня 1866 г., — были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о “национальностях” и о нашем отношении к нему... Представители “молодой Франции” (нерабочие) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т. е. на языке, непонятном для 9/10 собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией”¹⁶.

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни все нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться националистическим предрассудкам,

именно: признать “свою” нацию “образцовой нацией” (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство)*.

Но вернемся к вопросу о Ирландии.

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

“Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими способами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации”. Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2-го ноября 1867 года.

В письме от 30-го ноября того же года он добавлял:

“Что мы должны советовать английским рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Rereal (разрыв) союза” (Ирландии с Англией, т. е. отделение Ирландии от Англии) — “короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и приноровленное к современным условиям. Это — единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу английской партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами...

... Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.
2. Аграрная революция...”

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полуторачасовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.)¹⁷.

Энгельс отмечает в письме от 20-го ноября 1868 г. “ненависть к ирландцам среди английских рабочих”, а почти год спустя (24 октября 1869 г.), возвращаясь к этой теме, он пишет: “От Ирландии до России il n’y a qu’un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое

* Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 г. “... С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции “Таймса” о полонофильски” возгласах парижан против России... Г-н Прудон и его маленькая доктринерская клика — не то, что французский народ”.

это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию”.

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 августа 1869 г.:

“В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против “Господина Капитала” — даже в ее низшей форме, форме стачки — покончит с национальными предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа”¹⁸.

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18-го ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в 11/4 часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию:

“Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унижительными и для жертв дурного правительства и для представляемого ими народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедовать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той “политики завоевания”, разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников — тори;

что Генеральный Совет Интернациональной ассоциации рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и

возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной ассоциации рабочих и всем связанным с ней рабочим организациям Европы и Америки”¹⁹.

10-го декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

“... Совершенно независимо от всякой “интернациональной” и “гуманитарной” фразы о “справедливости к Ирландии” — ибо это само собою разумеется в Совете Интернационала — прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией. Таково мое самое глубокое убеждение, и основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в “Нью-Йоркской Трибуне” (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал)²⁰. Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии ... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии” (курсив Маркса)²¹.

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

“Утопист” Маркс так “непрактичен”, что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным.

Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотноше-

ния между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс попал довольно надолго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. “Несчастье для народа, если он поработил другой народ”. Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий “ирландской нации”, “ирландскому народу” (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классово-вой борьбы!), проповедует отделение Ирландии от Англии, “хотя бы после отделения дело и пришло к федерации”.

Каковы теоретические посылки этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закончена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм в Англии был ниспровергнут так быстро, как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, общенационального, движения в Ирландии не было бы. Но раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах своей свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. “Непрактичность” и “неосуществимость” отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необъятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным

врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федерацию*, лишь бы освобождение Ирландии произошло не реформистским, а революционным путем, в силу движения масс народа в Ирландии, поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и скорости общественного развития.

Вышло иначе. И ирландский народ и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь, жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазией решается (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были “утопистами”, что они ставили “неосуществимые” национальные требования, что они поддавались влиянию ирландских националистов — мелких буржуа (мелкобуржуазный характер движения “фениев” несомненен) и т.п.?

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, донныне сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат

* Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом “самоопределения” наций нельзя, с социал-демократической точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под “самоопределение”). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не “право на” автономию, а самую автономию, как общий, универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и др. условий. Поэтому признавать “право наций на автономию” было бы так же бессмысленно, как и “право наций на федерацию”.

ат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той “холопской торопливости”, с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать “утопичным” изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии.

9. ПРОГРАММА 1903 ГОДА И ЕЕ ЛИКВИДАТОРЫ

Протоколы съезда 1903 года, принимавшего программу российских марксистов, сделались величайшей редкостью, и громадное большинство современных деятелей рабочего движения не знакомо с мотивами отдельных пунктов программы (тем более, что далеко не все из относящейся сюда литературы пользуется благами легальности...). Поэтому остановиться на разборе интересующего нас вопроса на съезде 1903 г. необходимо.

Отметим прежде всего, что, как ни скудна русская с.-д. литература, относящаяся к “праву наций на самоопределение”, все же из нее совершенно ясно видно, что понималось это право всегда в смысле права на отделение. Гг. Семковские, Либманы и Юркевичи, сомневающиеся в этом, объявляющие § 9 “неясным” и т. п., только по крайнему невежеству или беззаботности толкуют о “неясности”. Еще в 1902 году в “Заре” Плеханов*, защищая “право на самоопределение” в проекте программы, писал, что это требование, не обязательное для буржуазных демократов, “обязательно для социал-демократов”. “Если бы мы позабыли о нем, или не решились

* В 1916 году В И Ленин к этому месту сделал примечание: “Просим читателя не забывать, что Плеханов в 1903 г. был одним из главных противников оппортунизма, далеким от своего печально-знаменитого поворота к оппортунизму и впоследствии к шовинизму”.

выставить его, — писал Плеханов, — опасаясь затронуть национальные предрассудки наших соотечественников великорусского племени, то в наших устах стал бы постыдной ложью... клич...: “пролетарии всех стран, соединяйтесь!””²².

Это — очень меткая характеристика основного довода за рассматриваемый пункт, настолько меткая, что ее недаром боязливо обходили и обходят “не помнящие родства” критики нашей программы. Отказ от данного пункта, какими бы мотивами его ни обставляли, на деле означает “постыдную” уступку великорусскому национализму. Почему великорусскому, когда говорится о праве всех наций на самоопределение? Потому, что речь идет об отделении от великорусов. Интерес соединения пролетариев, интерес их классовой солидарности требуют признания права наций на отделение — вот что признал в цитированных словах Плеханов 12 лет тому назад; вдумавшись в это, наши оппортунисты не сказали бы, вероятно, так много вздору о самоопределении.

На съезде 1903 г., где был утвержден этот, защищавшийся Плехановым, проект программы, главная работа была сосредоточена в программной комиссии. Ее протоколы, к сожалению, не велись. А именно по данному пункту они были бы особенно интересны, ибо {только в комиссии представители польских с.-д., Варшавский и Ганецкий, пробовали защищать свои взгляды и оспаривать “признание права на самоопределение”. Читатель, который пожелал бы сравнить их доводы (изложенные в речи Варшавского и в заявлении его и Ганецкого, стр. 134—136 и 388—390 протоколов) с доводами Розы Люксембург в ее разобранной нами польской статье, увидел бы полное тождество этих доводов.

Как же отнеслась к этим доводам программная комиссия II съезда, где против польских марксистов выступал больше всего Плеханов? Над этими доводами жестоко посмеялись! Нелепость предложения российским марксистам выкинуть признание права на самоопределение наций была так ясно и наглядно показана, что польские марксисты даже не решились повторить своих доводов на полном собрании съезда!!

Они покинули съезд, убедившись в безнадежности своей позиции перед высшим собранием марксистов и великорусских, и еврейских, и грузинских, и армянских.

Этот исторический эпизод имеет, само собою разумеется, очень важное значение для всякого, интересующегося серьезно своей программой. Полный разгром доводов польских марксистов в программной комиссии съезда и отказ их от попытки защищать свои взгляды на собрании съезда — факт чрезвычайно знаменательный. Роза Люксембург недаром “скромно” умолчала об этом в своей статье 1908 года — слишком уже неприятно, видимо, было воспоминание о съезде! Умолчала она и о том, до смешного неудачном, предложении “исправить” § 9-ый программы, которое сделали Варшавский и Ганецкий от имени всех польских марксистов в 1903 году и которого не решались (и не решатся) повторять ни Роза Люксембург, ни другие польские с.-д.

Но если Роза Люксембург, скрывая свое поражение в 1903 году, умолчала об этих фактах, то люди, интересующиеся историей своей партии, позаботятся о том, чтобы узнать эти факты и продумать их значение.

“...Мы предлагаем, — писали друзья Розы Люксембург съезду 1903 года, уходя с него, — дать следующую формулировку седьмому (теперешнему 9-му) пункту в проекте программы:

§ 7. Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства” (стр. 390 протоколов).

Итак, польские марксисты выступали тогда с взглядами по национальному вопросу настолько неопределенными, что вместо самоопределения предлагали, по сути дела, не что иное, как псевдоним пресловутой “культурно-национальной автономии”!

Это звучит почти невероятно, но это, к сожалению, факт. На самом съезде, хотя на нем было 5 бундовцев с 5 голосами и 3 кавказца с 6 голосами, не считая совещательного голоса у Кострова, не нашлось ни единого голоса за устранение пункта о самоопределении. За добавление к этому пункту

“культурно-национальной автономии” высказалось три голоса (за формулу Гольдблата: “создание учреждений, гарантирующих нациям полную свободу культурного развития”) и четыре голоса за формулу Либера (“право на свободу их — наций — культурного развития”).

Теперь, когда появилась русская либеральная партия, партия к.-д., мы знаем, что в ее программе заменено политическое самоопределение наций “культурным самоопределением”. Польские друзья Розы Люксембург, следовательно, “борясь” с национализмом ППС, делали это с таким успехом, что предлагали марксистскую программу заменить либеральной программой! И они же при этом обвиняли нашу программу в оппортунизме — удивительно ли, что в программной комиссии II съезда это обвинение встречалось только смехом!

В каком смысле понимали “самоопределение” делегаты II съезда, из которых, как мы видели, не нашлось ни одного против “самоопределения наций”?

Об этом свидетельствуют три следующие выдержки из протоколов:

“Мартынов находит, что слову “самоопределение” нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право нации на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление” (стр. 171). Мартынов был членом программной комиссии, в которой были опровергнуты и осмеяны доводы друзей Розы Люксембург. По взглядам своим Мартынов был тогда “экономистом”, ярким противником “Искры”, и если бы он выразил мнение, не разделявшееся большинством программной комиссии, он был бы, конечно, опровергнут.

Гольдблат, бундовец, взял слово первым, когда на съезде обсуждался, после коммиссионной работы, § 8-ой (теперешний 9-ый) программы.

“Против “права на самоопределение”, — говорил Гольдблат, — ничего возразить нельзя. В случае, если какая-либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в законный брак с Россией), то ей не мешать, как выразился тов. Плеханов. Я соглашаюсь с таким мнением в этих пределах” (стр. 175—176).

Плеханов вовсе не брал слова на полном собрании съезда по данному пункту. Гольдблат ссылается на слова Плеханова в программной комиссии, где “право на самоопределение” было подробно и популярно разъясняемо в смысле права на отделение. Либер, говоривший после Гольдבלата, заметил:

“Конечно, если какая-либо национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей партия препятствовать не будет” (стр. 176).

Читатель видит, что на II съезде партии, принявшем программу, не было двух мнений по вопросу о том, что самоопределение значит “лишь” право на отделение. Даже бундовцы усвоили себе тогда эту истину, и только в наше печальное время продолжающейся контрреволюции и всяческого “отречения” нашлись смелые своим невежеством люди, которые объявили программу “неясной”. Но, прежде чем уделять время этим печальным “тоже-социал-демократам”, покончим с отношением к программе поляков.

На второй (1903 г.) съезд они пришли с заявлением о необходимости и настоятельности объединения. Но со съезда они ушли, после “неудач” в программной комиссии, и последним словом их было письменное заявление, напечатанное в протоколах съезда и содержащее приведенное выше предложение заменить самоопределение культурно-национальной автономией.

В 1906 году польские марксисты вошли в партию, причем, ни входя в нее, ни единого раза после (ни на съезде 1907 г., ни на конференциях 1907 и 1908 гг., ни на пленуме 1910 года), они не вносили ни одного предложения об изменении § 9-го российской программы!!

Это — факт.

И этот факт доказывает наглядно, вопреки всяким фразам и уверениям, что друзья Розы Люксембург сочли исчерпывающими вопрос прения в программной комиссии II съезда и решение этого съезда, что они молча сознали свою ошибку и исправили ее, когда в 1906 году вошли в партию, после ухода со съезда в 1903 году, ни разу не попытавшись партийным путем поднять вопроса о пересмотре § 9-го программы.

Статья Розы Люксембург появилась за ее подписью в 1908 году — разумеется, ни единому человеку не приходило никогда и в голову отрицать право партийных литераторов на критику программы — и после этой статьи равным образом ни одно официальное учреждение польских марксистов не поднимало вопроса о пересмотре § 9-го.

Поэтому поистине медвежью услугу оказывает некоторым поклонникам Розы Люксембург Троцкий, когда, от имени редакции “Борьбы”, пишет в № 2 (март 1914 г.):

“...Польские марксисты считают “право на национальное самоопределение” совершенно лишенным политического содержания и подлежащим удалению из программы” (стр. 25).

Услужливый Троцкий опаснее врага! Ниоткуда, как из “частных разговоров” (т. е. попросту сплетен, которыми всегда живет Троцкий), он не мог позаимствовать доказательств для зачисления “польских марксистов” вообще в сторонников каждой статьи Розы Люксембург. Троцкий выставил “польских марксистов” людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!

Когда в 1903 году представители польских марксистов ушли из-за права на самоопределение со II съезда, тогда Троцкий мог сказать, что они считали это право лишенным содержания и подлежащим удалению из программы.

Но после этого польские марксисты вошли в партию, имевшую такую программу, и ни разу не внесли предложения о пересмотре ее*.

Почему умолчал Троцкий об этих фактах перед читателями своего журнала? Только потому, что ему выгодно спекулировать на разжигании разногласий между польскими и

* Нам сообщают, что на летнем 1913 г. совещании российских марксистов польские марксисты участвовали только с совещательным голосом и по вопросу о праве на самоопределение (на отделение) не голосовали совсем, высказываясь против такого права вообще. Разумеется, они имели полное право поступать так и агитировать по-прежнему в Польше против ее отделения. Но это не совсем то, о чем говорит Троцкий, ибо “удаления из программы” § 9-го польские марксисты не требовали.

русскими противниками ликвидаторства и обманывать русских рабочих по вопросу о программе.

Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся.

Вот вам бундовец Либман.

“Когда российская социал-демократия, — пишет сей джентльмен, — 15 лет тому назад в своей программе выставила пункт о праве каждой национальности на “самоопределение”, то всякий (!!) себя спрашивал: что собственно означает это модное (!!) выражение? На это ответа не было (!!) Это слово осталось (!!) окруженным туманом. В действительности в то время было трудно рассеять этот туман. Не пришло еще время, чтобы можно было конкретизировать этот пункт — говорили в то время — пусть он теперь останется в тумане (!!), и сама жизнь покажет, какое содержание вложить в этот пункт”.

Не правда ли, как великолепен этот “мальчик без штанов”²³, издевающийся над партийной программой?

А почему он издевается?

Только потому, что он круглый невежда, который ничему не учился, не почитал даже по истории партии, а просто попал в ликвидаторскую среду, где “принято” ходить нагишом в вопросе о партии и партийности.

У Помяловского бурсак хвастает тем, как он “наплевал в кадушку с капустой”²⁴. Гг. бундисты пошли вперед. Они выпускают Либманов, чтобы сии джентльмены публично плевали в собственную кадушку. Что было какое-то решение международного конгресса, что на съезде собственной партии двое представителей собственного Бунда обнаружили (уж на что были “строгие” критики и решительные враги “Искры”!) полную способность понять смысл “самоопределения” и даже соглашались с ним, какое дело до всего этого гг. Либманам? И не легче ли будет ликвидировать партию,

если “публицисты партии” (не шутите!) будут по-бурсацки обращаться с историей и с программой партии?

Вот вам второй “мальчик без штанов”, г. Юркевич из “Дзвіна”. Г-н Юркевич, вероятно, имел в руках протоколы II съезда, потому что он цитирует слова Плеханова, воспроизведенные Гольдблатом, и обнаруживает знакомство с тем, что самоопределение может значить лишь право на отделение. Но это не мешает ему распространять среди украинской мелкой буржуазии клевету про русских марксистов, будто они стоят за “государственную целостность” (1913, № 7—8, стр. 83 и др.) России. Конечно, лучшего способа, чем эта клевета, для отчуждения украинской демократии от великорусской гг. Юркевичи придумать не могли. А такое отчуждение лежит по линии всей политики литераторской группы “Дзвіна”, проповедующей выделение украинских рабочих в особую национальную организацию!*

Группе националистических мещан, раскалывающих пролетариат, — именно такова объективная роль “Дзвіна” — вполне пристало, конечно, распространение безбожной путаницы по национальному вопросу. Само собою разумеется, что гг. Юркевичи и Либманы, — которые “ужасно” обижаются, когда их называют “околопартийными”, — ни слова, буквально ни единого словечка не сказали о том, как же они хотели бы решить в программе вопрос о праве на отделение?

Вот вам третий и главный “мальчик без штанов”, г. Семковский, который на страницах ликвидаторской газеты перед великорусской публикой “разносит” § 9-ый программы и в то же время заявляет, что он “не разделяет по некоторым соображениям предложения” об исключении этого параграфа!!

Невероятно, но факт.

В августе 1912 г. конференция ликвидаторов официально поднимает национальный вопрос. За полтора года ни единой статьи, кроме статьи г. Семковского, по вопросу о § 9-м. И в этой статье автор опровергает программу, “не разделяя по не-

* См. в особенности предисловие г. Юркевича к книге г. Левинского: “Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині”, Київ, 1914 (“Очерк развития украинского рабочего движения в Галиции” Киев 1914. Ред.).

которым (секретная болезнь, что ли?) соображениям” предложения исправить ее!! Можно ручаться, что во всем мире нелегко найти примеры подобного оппортунизма и хуже чем оппортунизма, отречения от партии, ликвидации ее.

Каковы доводы Семковского, достаточно показать на одном примере:

“Как быть, — пишет он, — если польский пролетариат захочет в рамках одного государства вести совместную борьбу со всем российским пролетариатом, а реакционные классы польского общества, напротив, захотели бы отделить Польшу от России и собрали бы при референдуме (общем опросе населения) большинство голосов в пользу этого: должны ли бы мы, русские с.-д., голосовать в центральном парламенте вместе с нашими польскими товарищами против отделения или, чтобы не нарушать “права на самоопределение”, за отделение?” (“Новая Рабочая Газета” № 71).

Отсюда видно, что г. Семковский не понимает даже, о чем речь! Он не подумал, что право на отделение предполагает решение вопроса как раз не центральным парламентом, а только парламентом (сеймом, референдумом и т. п.) отделившейся области.

Детским недоумением, “как быть”, если при демократии большинство за реакцию, заслоняется вопрос реальной, настоящей, живой политики, когда и Пуришкевичи и Кокошкины считают преступной даже мысль об отделении! Вероятно, пролетариям всей России надо вести борьбу не с Пуришкевичами и Кокошкиными сегодня, а, минуя их, с реакционными классами Польши!!

И подобный невероятный вздор пишут в органе ликвидаторов, в котором одним из идейных руководителей является г. Л.Мартов. Тот самый Л. Мартов, который составлял проект программы и проводил его в 1903 году, который и позже писал в защиту свободы отделения. Л. Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю²⁵.

Он посылает Реада-Семковского и позволяет в ежедневной газете, перед новыми слоями читателей, не знающих нашей программы, извращать ее и путать без конца!

Да, да, ликвидаторство далеко зашло, — от партийности у очень многих даже видных бывших с.-д. не осталось и следа.

Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнять к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании лондонского решения 1896 года, ни о том, что под самоопределением разумеется лишь право на отделение, ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации.

Но такое извращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариев разных наций слишком ясно показывает, что не с “краковской”, а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы. А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины. Их идеи царят, их травля инородцев за “сепаратизм”, за мысли об отделении проповедуются

и ведется в Думе, в школах, в церквях, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который, поработав другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и особенно социал-демократическое движение.

Не может быть сомнения, что, как бы естественна ни казалась подчас точка зрения некоторых марксистов угнетенных наций (“несчастье” которых состоит иногда в ослеплении масс населения идеей “своего” национально-освобождения), на деле, по объективному соотношению классовых сил в России, отказ от защиты права на самоопределение равняется злейшему оппортунизму, заражению пролетариата идеями Кокошкиных. А эти идеи суть, в сущности, идеи и политика Пуришкевичей.

Поэтому, если точка зрения Розы Люксембург могла быть оправдываема вначале, как специфическая польская, “краковская” узость*, то в настоящее время, когда всюду усилился национализм и прежде всего национализм правительственный, великорусский, когда он направляет политику, — подобная узость становится уже непростительной. На деле за нее цепляются оппортунисты всех наций, чуждающиеся идеи “бурь” и “скачков”, признающие окончанным буржуазно-демократический переворот, тянущиеся за либерализмом Кокошкиных.

Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживет различные фазы, смотря по главенству тех или

* Нетрудно понять, что признание марксистами всей России и в первую голову великороссами право наций на отделение нисколько не исключает агитации против отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода. Мы думаем, поэтому, что будет неизбежно расти число польских марксистов, которые станут смеяться над несуществующим “противоречием”, ныне “подогреваемым” Семковским и Троцким.

иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились национал-либералы.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т. е. вся современная буржуазия.

А дальше неизбежно рождение великорусских национал-демократов. Один из основателей “народно-социалистической” партии г. Пешехонов уже выразил эту точку зрения, когда звал (в августовской книжке “Русского Богатства” за 1906 год) к осторожности по отношению к националистическим предрассудкам мужика. Сколько бы ни клеветали на нас, большевиков, будто мы “идеализуем” мужика, но мы всегда строго отличали и будем отличать мужицкий рассудок от мужицкого предрассудка, мужицкий демократизм против Пуришкевича и мужицкое стремление примириться с попом и помещиком.

С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь и будет считаться, вероятно, довольно долго*. Пробуждение национализма в угнетенных нациях, столь сильно сказавшееся после 1905 года (напомним хотя бы группу “автономистов-федералистов” в I Думе, рост украинского движения, мусульманского движения и т. д.), — неизбежно вызовет усиление национализма великорусской мелкой буржуазии в городах и в деревнях. Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем

* Было бы интересно проследить, как видоизменяется, например, национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский. Людвиг Бернгард в своей книге “Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat” (“Поляки в Пруссии”; есть русский перевод), стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода “крестьянской республики” поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов польских крестьян в борьбе за национальность, за религию, за “польскую” землю. Немецкий гнет сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы (особенно после начавшегося в 1873 году похода немцев против польского языка в школах). К этому идет дело и в России и по отношению не к одной только Польше.

упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. Особая реакционность русских Пуришкевичей будет порождать (и усиливать) при этом “сепаратистские” стремления среди тех или других угнетенных наций, иногда пользующихся гораздо большей свободой в соседних государствах.

Такое положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России.

—

Статья была уже набрана, когда я получил № 3 “Нашей Рабочей Газеты”, где г. Вл. Косовский пишет о признании права на самоопределение за всеми нациями:

“Будучи механически перенесено из резолюции I съезда партии (1898 г.), который, в свою очередь, заимствовал его из решений международных социалистических конгрессов, оно, как видно из дебатов, понималось съездом 1903 года в том же смысле, какой в него вкладывал социалистический Интернационал: в смысле политического самоопределения, т. е. самоопределение нации в направлении политической самостоятельности. Таким образом, формула национального самоопределения, обозначая право на территориальное обособление, совершенно не касается вопроса о том, как урегу-

лирование национальные отношения внутри данного государственного организма, для национальностей, не могущих или не желающих уйти из существующего государства”.

Отсюда видно, что г. Вл. Косовский имел в руках протоколы II съезда 1903 года и прекрасно знает действительный (и единственный) смысл понятия самоопределения. Сопоставьте с этим тот факт, что редакция бундовской газеты “Цайт” выпускает г. Либмана для издевательств над программой и объявления ее неясной!! Странные “партийные” нравы у гг. бундовцев... Почему Косовский объявляет принятие съездом самоопределения механическим перенесением, “аллах ведает”. Бывают люди, которым “хочется возразить”, а что, как, почему, зачем, это им не дано.

¹ “Die Neue Zeit” (“Новое Время”) — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В “Die Neue Zeit” были впервые опубликованы некоторые произведения основоположников марксизма: “Критика Готской программы” К. Маркса, “К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.” Ф. Энгельса и др. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. В “Die Neue Zeit” сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX — начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна “Проблемы социализма”, открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, подерживая фактически социал-шовинистов.

² “Научная Мысль” — журнал меньшевистского направления, издавался в Риге в 1908 году.

³ См. К.Маркс. “Капитал”, т. I (К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 774).

⁴ “Przegląd Socfaldemokratyczny” (“Социал-Демократическое Обозрение”) — журнал, издавался польскими социал-демократами при ближайшем участии Р. Люксембург в Кракове с 1902 по 1904 год и с 1908 по 1910 год.

⁵ Имеется в виду съезд Австрийской социал-демократической партии, происходивший в г. Брюнне (Австрия) с 24 по 29 сентября 1899 года. Центральным вопросом порядка дня съезда был национальный вопрос. На съезде были предложены две резолюции, выражавшие разные точки зрения: 1) резолюция ЦК партии отстаивала в общем территориальную автономию наций и 2) резолюция комитета Южно-славянской с.-д. партии, отстаивавшая экстерриториальную культурно-национальную автономию.

Съезд единогласно отклонил программу культурно-национальной автономии и принял компромиссную резолюцию, признававшую национальную автономию в пределах австрийского государства (см. статью В.И.Ленина “К истории национальной программы в Австрии и в России”, Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 313—315).

⁶ Речь идет о Втором всеукраинском съезде студенчества, состоявшемся во Львове 19—22 июня (2—5 июля) 1913 года; съезд был приурочен к торжествам в честь юбилея Ивана Франко, великого украинского писателя, ученого, общественного деятеля, революционного демократа. В работах съезда принимали участие и представители украинского студенчества России. На съезде с докладом “Украинская молодежь и теперешнее положение нации” выступил украинский с.-д. Донцов, который отстаивал лозунг “самостийной” Украины.

⁷ “Шляхи” (“Пути”) — орган Украинского студенческого союза, националистического направления; выходил во Львове с апреля 1913 по март 1914 года.

⁸ “Земщина” — ежедневная черносотенная газета; выходила в Петербурге с июня 1909 по февраль 1917 года; орган крайних правых депутатов Государственной думы.

⁹ Ленин приводит выражение из очерка Г.И.Успенского “Будка”.

¹⁰ Ленин приводит выражение из комедии А.С.Грибоедова “Горе от ума”.

¹¹ “Напшуд” — “Naprzod” (“Вперед”) — газета, центральный орган социал-демократической партии Галиции и Силезии; выходила в Кракове с 1892 г. Газета была выразительницей мелкобуржуазной, националистической идеологии. Ленин характеризовал “Напшуд” как “очень плохой и вовсе не марксистский орган”.

¹² Ленин имеет в виду польское национально-освободительное восстание 1863—1864 годов, направленное против гнета царского самодержавия. Непосредственным поводом к восстанию послужил особый рекрутский набор, который решили провести царское правительство и правящие круги Польши в целях массового удаления из городов революционно настроенной молодежи. Вначале восстанием руководил Центральный национальный комитет, сформированный мелкошляхетской партией “красных” в 1862 году. Его программа, содержащая требования национальной независимости Польши, равноправия всех мужчин страны без различия религии и происхождения; передачи крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа, отмены барщины; вознаграждения помещиков за землю из государственных средств и др., привлекла к восстанию самые разнообразные слои польского населения: ремесленников, рабочих, студенчество, шляхетскую интеллигенцию, часть крестьянства, духовенства.

В ходе восстания к нему примкнули элементы, объединившиеся вокруг партии “белых” (партия крупной земельной аристократии и крупной буржуазии), которые стремились использовать восстание в своих интересах и при помощи Англии и Франции добиться выгодной сделки с царским правительством.

Революционная демократия России с глубоким сочувствием относилась к восставшим. Члены тайного общества “Земля и воля”, связанного с Н. Г. Чернышевским, стремились оказать им всяческую помощь. Центральным комитетом “Земли и воли” было выпущено воззвание “К русским

офицерам и солдатам”, которое распространялось в войсках, посланных на усмирение восставших. А. И. Герцен и Н. П. Огарев поместили в “Колоколе” ряд статей, посвященных борьбе польского народа, оказывали восставшим материальную помощь.

Благодаря непоследовательности партии “красных”, упустивших революционную инициативу, руководство восстанием перешло к партии “белых”, предавших его. К лету 1864 года восстание было жестоко подавлено царскими войсками.

К.Маркс и Ф.Энгельс оценивали польское восстание 1863—1864 годов как прогрессивное и относились к нему с большим сочувствием, желали победы польскому народу в его борьбе за национальное освобождение. От имени немецкой эмиграции в Лондоне Маркс написал воззвание о помощи полякам.

¹³ Ленин имеет в виду воспоминания В.Либкнехта о К.Марксе (см. сборник “Воспоминания о Марксе”, 1956, стр. 92).

¹⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 348.

¹⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 210-211.

¹⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 148, 178, 178—179.

¹⁷ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 464, 480, 488.

¹⁸ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 133, 240—241, 233.

¹⁹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 250.

²⁰ “Нью-йоркская Трибуна” (“The New-York Daily Tribune”) - американская газета, издававшаяся с 1841 по 1924 год. Газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничал К.Маркс. Большое число статей для нее было по просьбе К. Маркса написано Ф.Энгельсом. В период наступившей в Европе реакции

К.Маркс и Ф.Энгельс использовали широко распространенную, прогрессивную в то время газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества. Во время Гражданской войны в Америке прекратилось сотрудничество К.Маркса в газете. Значительную роль в разрыве Маркса с “The New-York Daily Tribune” сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельцами и отход газеты от прогрессивных позиций. В дальнейшем направление газеты становилось все более правым.

²¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 230, 231.

²² Ленин цитирует статью Г.В.Плеханова “Проект программы Российской социал-демократической партии”, опубликованную в № 4 “Зари” за 1902 год.

“Заря” — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией “Искры”. Всего вышло четыре номера (три книги) “Зари”: №1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2—3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в “Проекте заявления редакции “Искры” и “Зари””, написанном В.И.Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333). В 1902 году во время возникших внутри редакции “Искры” и “Зари” разногласий и конфликтов Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование “Зари”), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

Журнал “Заря” выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В “Заре” были напечатаны работы Ленина: “Случайные заметки”, “Гонители земства и Аннибалы либерализма”, “Гг. “критики” в аграрном вопросе” (первые четыре главы работы “Аграрный вопрос и “критики Маркса””), “Внутреннее обозрение”, “Аграрная программа русской социал-демократии”, а также работы Г.В.Плеханова: “Критика наших критиков. 4.1. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социаль-

ного развития”, “Сант против Канта или духовное завещание г. Бернштейна” и др.

²³ Выражение взято из очерков М.Е.Салтыкова-Щедрина “За рубежом”.

²⁴ В. И. Ленин приводит выражение из произведения Н.Г.Помяловского “Очерки бурсы”.

²⁵ Ленин приводит слова из севастопольской солдатской песни про сражение на речке Черной 4 августа 1855 года во время Крымской войны. Автором песни был Л.Н.Толстой.

Написано в феврале-мае 1914 г.

Напечатано в апреле-июне 1914г.

Печатается по тексту журнала “Просвещение” №№ 4,5 и 6.

И.В. Сталин

МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Период контрреволюции в России принес не только “гром и молнию”, но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в “светлое будущее”, - и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение, - и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! “Национальная проблема” прежде всего!

В то же время в стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России, Последние должны были придти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал установившийся за это время “конституционный режим”. Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т.п., без сомнения, способствовали усилению “национальных чувств”. Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны “власть имущих”, мстящих окраинам за их “свободолюбие”, - вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий

шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма, - все это факты общеизвестные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия - дать отпор национализму, оградить массы от общего “поветрия”. Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особая стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи, и прежде всего - социал-демократы на окраинах. Бунд, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло до того, что “празднование субботы” и “признание жаргона” объявил он боевым пунктом своей избирательной компании. За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. “культурно-национальную автономию”, теперь ее выставляет как очередное требование. Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов, дипломатически санкционировавшей националистические шатания.

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех еще с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьезное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов против националистического тумана, откуда бы он ни шел.

I.

НАЦИЯ

Что такое нация?

Нация - это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация - не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Итак, нация - не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия - тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целостности Рос* спи и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак - общность языка, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Общий

язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах,

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь, на новой территории, с течением времени, образовала новую северо-американскую нацию. Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, общность территории, как одна из характерных черт нации.

Но это еще не все. Общность территории сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое. Между Англией и Северной Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т.д.

Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравли-

вая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак, общность экономической жизни, экономическая связность, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не все. Кроме всего сказанного, нужно принять еще во внимание особенности духовного облика людей, объединенных в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или - как его называют иначе - "национальный характер", является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, - он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего и говорить, что "национальный характер" не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент, - он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак, общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим “национальным характером” и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т.д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка и “национального характера”. Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает вам нацию.

Может показаться, что “национальный характер” является не одним из признаков, а единственно существенным признаком нации, причем все остальные признаки составляют, собственно, условия развития нации, а не ее признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру, “нация - это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей”. Это - “культурная общность

группы современных людей, не связанная с “землей” (курсив наш).

Итак - “союз” одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идет еще дальше.

“Что такое нация? - спрашивает он. - Есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию”.

Так что же такое нация?

“Нация - это относительная общность характера”.

Но что такое характер, в данном случае - национальный характер?

Национальный характер - это “сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой”.

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет:

“Характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой”, что... “нация есть не что иное, как общность судьбы”, в свою очередь определяемая “условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда”.

Таким образом, мы пришли к наиболее “полному”, как выражается Бауэр, определению нации.

“Нация - это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы”.

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может, быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и “вовсе не имеют они общего языка”, но о какой “общности судьбы” и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на “судьбу” упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще как об единой нации,

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего “национального духа” спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между “отличительной чертой” нации (национальный характер) и “условиями” их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем, собственно, отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась еще “Новой Англией”? Уж, конечно, не национальным характером: ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, еще английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у них, должно быть, выработывался свой особый характер. И все-таки, несмотря на большую или

меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию!

Очевидно, “Новая Англия”, как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает ее в какую-то незримую, самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо, повторяю, что это, например, за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время ?!

Нет, не для таких бумажных “наций” составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными нациями, действующими и двигающимися, и потому заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр сам, по-видимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях как о нации, Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что “капиталистическое общество вообще не дает им (евреям) сохраниться как нации”, ассимилируя их с другими нациями. Причина, оказывается, в том, что “евреи не

имеют замкнутой колонизационной области”, в то время как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация. Короче: причина - в отсутствии территории.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих, но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что “евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию”. Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменяет фронт, заявляя так же решительно: “несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка” (курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что “язык - это важнейшее орудие человеческого общения”, но он вместе с тем нечаянно доказал и то, чего он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории (нации) отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы) итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие нации являются в то же

время английским и пр. государствами. Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет общей картины.

Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы - они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры - ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии, В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию, Так происходило дело на Востоке. Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях не ликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальностей не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации.

Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. Развиваются торговля и пути сообщения, Возникают крупные города. Нации экономически консолидируются. Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение, Развитие прессы и театра, деятельность рейхсрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению “национальных чувств”. Народившаяся интеллигенция проникается “национальной идеей” и действует в том же направлении...

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России, То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом.

На Западе Ирландия ответила на исключительное положение национальным движением. На Востоке проснувшиеся нации должны были ответить тем же.

Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу.

Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся “национальная” буржуазия угнетенных наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России).

Буржуазия - главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии - рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности - такова ее цель. Отсюда ее желание обеспечить себе “свой”, “родной” рынок. Рынок - первая школа, где буржуазия учится национализму.

Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полуфеодалная - полубуржуазная. бюрократия господствующей нации со своими методами “тащить и не пущать”. Буржуазия командующей нации - все равно, является ли она мелкой или крупной - получает возможность “быстрее” и “решительнее” расправиться со своим конкурентом. “Силы” объединяются, и - начинается целый ряд ограничительных мер против “инородческой” буржуазии, переходящих в репрессии. Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую, Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и

сыплются на голову “конкурента”. Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку - все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России.

Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к “родным низам” и начинает кричать об “отечестве”, выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из “соотечественников” в интересах... “родины”. И “низы” не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг ее знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма - это зависит от степени развития классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть свое собственное испытанное знамя, и ему незачем становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы “земли”, как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения.

С другой стороны, если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьезного антирусского национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть антиармянский национализм, но это потому, что там есть еще армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму.

В зависимости от этих факторов национальное движение принимает или массовый характер, все более и более разрастаясь (Ирландия, Галиция), или оно превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и “борьбу” за вывески (некоторые городки в Богемии).

Содержание национального движения, конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии - “языковой”, здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания, там - “своих” чиновников или своего сейма. В разнообразных требованиях нередко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достоин внимания, что нигде не встречаешь требования о бауэровском всеобъемлющем “национальном характере”. Оно и понятно: “национальный характер”, взятый сам по себе, неуловим и, как правильно заметил И. Штрассер, “с ним политику нечего делать”.

Таковы в общем формы и характер национального движения.

Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удастся вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает “общенародный” характер, но это только по внешности. В существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей,

Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчиненных наций. Нельзя серьезно говорить о полном развитии духовных дарований татарского или еврейского

рабочего, когда им не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы.

Но политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата и с другой стороны. Она отвлекает внимание широких слоев от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы - в сторону вопросов национальных, вопросов, "общих" для пролетариата и буржуазии. А это создает благоприятную почву для лживой проповеди о "гармонии интересов", для затушёвывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьезная преграда делу объединения рабочих всех национальностей. Если значительная часть польских рабочих до сих пор остается в духовной кабале у буржуазных националистов, если она до сих пор остается в стороне от интернационального рабочего движения, - то это, главным образом, потому, что исконная антипольская политика "власть имущих" дает почву для такой кабалы, затрудняет освобождение рабочих от такой кабалы.

Но политика репрессий на этом не останавливается. От "системы" угнетения она нередко переходит к "системе" натравливания наций, к "системе" резни и погромов. Конечно, последняя не везде и не всегда возможна, но там, где она возможна, - в условиях отсутствия элементарных свобод, - там она нередко принимает ужасающие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и юг России дают не мало примеров. "Разделяй и властвуй" - такова цель политики натравливания. И поскольку такая политика удастся, она представляет величайшее зло для пролетариата, серьезнейшую преграду делу сплочения рабочих всех национальностей государства.

Но рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном их освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих братьев, к какой бы нации они ни принадлежали.

Поэтому рабочие борются и будут бороться против политики угнетения наций во всех ее видах, от самых тонких

до самых грубых, как и против политики натравливания во всех ее видах.

Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение.

Право на самоопределение, т. е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезывать права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям данной нации освободиться от них.

Право на самоопределение, т. е. - нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения.

Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, - две вещи разные.

Борясь за право наций на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения нации, сделать ее невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить ее, довести ее до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под “национальное” знамя буржуазии.

Именно поэтому так называемая “эволюционно-национальная” политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата. Попытка Бауэра отождествить свою “эволюционно-национальную” политику с политикой “современного рабочего класса” является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций.

Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии.

Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата - возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

III.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно.

Но как именно она должна устроиться, какие формы должна принять ее будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?

Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это еще не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, т. е. для ее большинства, т. е. для трудящихся слоев. Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своем сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделиться от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право.

Но будет ли это в интересах трудящихся слоев татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно смотреть на то, как боки и муллы ведут за собой массы в деле решения национального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?

Но какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс? Автономия, федерация или сепарация?

Все это - вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию.

Более того. Условия, как и все, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

В половине XIX века Маркс был сторонником отделения русской Польши, и он был прав, ибо тогда вопрос стоял об освобождении высшей культуры от разрушавшей ее низшей. И вопрос стоял тогда не в теории только, не академически, а на практике, в самой жизни...

В конце XIX века польские марксисты высказываются уже против отделения Польши, и они также правы, ибо за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши. Кроме того, за это время вопрос об отделении из предмета практики превратился в предмет академических споров, волнующих разве только заграничных интеллигентов.

Это не исключает, конечно, возможности появления известных внутренних и внешних конъюнктур, при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь.

Из этого следует, что решение национального вопроса возможно лишь в связи с историческими условиями, взятыми в их развитии.

Экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию, - таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация, какие формы должна принять ее будущая конституция. При этом возможно, что для каждой нации по-

требуется особое решение вопроса. Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе.

Ввиду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространенного, но и очень огульного способа “решения” национального вопроса, ведущего свое начало от Бунда. Мы говорим о легком методе ссылки на австрийскую и южно-славянскую социал-демократию, которая уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что все, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности.

Послушайте, например, известного бундовца В. Косовского:

“Когда на IV съезде Бунда обсуждалась принципиальная сторона вопроса (речь идет о национальном вопросе. И. Ст.), то предложенное одним из членов съезда решение вопроса в духе революции южно-славянской социал-демократической партии вызвало всеобщее одобрение.

В результате “съезд единогласно принял”... национальную автономию.

И - только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южно-славянской с.-д. партии, потом “одобрили”, а потом “единогласно приняли”! Так ставят и “решают” бундовцы национальный вопрос в России...

Между тем, Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и объясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.) в духе резолюции южно-славянской с.-д. партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так сказать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает.

Прежде всего постановка вопроса. Как ставят вопрос австрийские теоретики культурно-национальной автономии,

толкователи брюннской национальной программы и резолюции южно-славянской социал-демократической партии, Шпрингер и Бауэр?

“Мы оставляем здесь, - говорит Шпрингер, - без ответа вопрос о том, возможно ли вообще государство национальностей и вынуждены ли, в частности, австрийские национальности образовать одно политическое целое, эти вопросы мы будем считать решенными. Для того, кто не согласен с упомянутой возможностью и необходимостью, наше исследование будет, конечно, беспочвенным. Наша тема гласит: данные нации вынуждены вести совместное существование; какие правовые формы дадут им возможность жить лучше всего?” (курсив Шпрингера).

Итак, государственная целость Австрии, как исходный пункт.

То же самое говорит Бауэр:

“Мы исходим из того предположения, что австрийские нации останутся в том же государственном союзе, в котором они теперь живут, и спрашиваем, каковы в рамках этого союза будут отношения наций между собой и всех их к государству”.

Опять-таки: целость Австрии первым долгом. Может ли так ставить вопрос российская социал- демократия? Нет, не может. И не может она потому, что с самого начала стоит на точке зрения самоопределения наций, в силу которой нация имеет право на отделение.

Даже бундовец Гольдблат признал на втором съезде российской социал-демократии, что последняя не может отказать от точки зрения самоопределения. Вот что говорил тогда Гольдблат:

“Против права на самоопределение ничего возражать нельзя. В случае, если какая-нибудь нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в “законный брак” с Россией, то не нам ей мешать”.

Все это так. Но отсюда следует, что исходные пункты у австрийских и русских с.-д. не только не одинаковы, а, наоборот, прямо противоположны. Можно ли после этого говорить

о возможности позаимствования национальной программы у австрийцев?

Далее. Австрийцы думают осуществить “свободу национальностей” путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагают культурно-национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о “свободе национальностей” с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России.

“Разумеется, - говорит Бауэр, - трудно думать, чтобы национальная автономия явилась в результате великого решения, смелого решительного действия. Шаг за шагом будет Австрия идти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжелой борьбой, из-за которой законодательство и управление будут находиться в состоянии хронической парализованности. Нет, не путем великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственно-правовой строй”.

То же самое говорит Шпрингер:

“Я прекрасно знаю, - пишет он, - что институты подобного рода (органы национальной автономии. И. Ст.) создаются не в год и не в десяток лет. Реорганизация одного только прусского управления потребовала продолжительного времени... Пруссии нужны были два десятилетия для окончательного установления своих основных административных учреждений. Поэтому пусть не думают, что я не знаю, сколько времени и сколько трудностей потребуются для Австрии”.

Все это очень определено. Но могут ли русские марксисты не связывать национального вопроса со смелыми решительными действиями? Могут ли они рассчитывать на частичные реформы, на “множество отдельных законов”, как на средство завоевания “свободы национальностей”? А если

они не могут и не должны делать этого, то не ясно ли отсюда, что методы борьбы и перспективы у австрийцев и русских совершенно различны? Как можно при таком положении ограничиваться односторонней и половинчатой культурно-национальной автономией австрийцев? Одно из двух: либо сторонники позаимствования не рассчитывают на “решительные и смелые действия” в России, либо они рассчитывают на них, но “не ведают, что творят”.

Наконец, Россия и Австрия стоят перед совершенно различными очередными задачами, ввиду чего и метод решения национального вопроса диктуется различный. Австрия живет в условиях парламентаризма, без парламента при нынешних условиях там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и объясняется хронический политический кризис, которым Австрия давно болеет. Ввиду этого национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования. Неудивительно, поэтому, что австрийские с.-д. политики стараются разрешить так или иначе прежде всего вопрос о национальных столкновениях, разрешить, конечно, на почве уже существующего парламентаризма, парламентским способом...

Не то в России. В России, во-первых, “слава богу, нет парламента”*. Во-вторых - и это главное - осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса, а, значит, и “освобождения” наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны.

“Бесплодие австрийского парламента, - пишет Шпрингер, - тем только и вызвано, что каждая реформа порождает внутри национальных партий противоречия, разрушающие их сплоченность, и вожди партий поэтому тщательно избегают всего того, что пахнет реформами. Прогресс Австрии

мыслим вообще лишь в том случае, если нациям будут даны неотъемлемые правовые позиции; это избавит их от необходимости содержать в парламенте постоянные боевые отряды и даст им возможность обратиться к разрешению хозяйственных и социальных задач”.

То же самое говорит Бауэр:

“Национальный мир необходим прежде всего государству. Государство совершенно не может терпеть, чтобы законодательство прекращалось из-за глупейшего вопроса о языке, из-за малейшей ссоры возбужденных людей где-нибудь на национальной границе, из-за каждой новой школы”.

Все это понятно. Но не менее понятно, что в России национальный вопрос стоит в совершенно другой плоскости. Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос - подчиненный.

Итак, различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи. Разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии и заниматься заимствованием программы могут лишь бумажные люди, “решающие” национальный вопрос вне пространства и времени?

Еще раз: конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка, - таков ключ к решению национального вопроса.

IV.

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ

Выше мы говорили о формальной стороне австрийской национальной программы, о методологических основаниях, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать ее программу своей.

Поговорим теперь о самой программе по существу. Итак, какова национальная программа австрийских социал-демократов?

Она выражается в двух словах: культурно-национальная автономия.

Это значит, во-первых, что автономия дается, скажем, не Чехии или Польше, населенным, главным образом, чехами и поляками, - а вообще чехам и полякам, независимо от территории, все равно - какую бы местность Австрии они ни населяли.

Потому-то автономия эта называется национальной, а не территориальной.

Это значит, во-вторых, что рассеянные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т. д., взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации и, как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Это значит, в-третьих, что общенациональные учреждения, долженствующие быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т. д., будут вестись не “политическими” вопросами, а только лишь “культурными”. Специфические политические вопросы сосредоточатся в обще-австрийском парламенте (рейхсрате).

Поэтому автономия эта называется еще культурной, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюннском конгрессе в 1899 г.

Упомянув о том, что “национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу”, что “окончательное разрешение национального вопроса... есть прежде всего культурная необходимость”, что “разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права”, - программа продолжает:

“Сохранение и развитие национальных особенностей народов Австрии возможно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привилегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство у представляющее демократический союз национальностей.

2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы национально-отграниченные самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находились бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и равного голосования.

3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.

4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом”.

Программа кончается призывом к солидарности всех наций Австрии.

Не трудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы “территориализма”, но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шпрингер, первый агитатор культурно-национальной автономии, встречает ее с восторгом. Бауэр также разделяет ее, называя ее “теоретической победой” национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт и заменить более определенной формулировкой, говорящей о необходимости “конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-правовую корпорацию” для заведывания школьными и прочими культурными делами.

Такова национальная программа австрийской социал-демократии.

Рассмотрим ее научные основы.

Посмотрим, как обосновывает австрийская социал-демократия проповедываемую ею культурно-национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определенной территории.

“Национальность, - по Шпрингеру, - не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации - автономные персональные союзы”.

Бауэр также говорит о нации, как о “персональной общности”, которой “не предоставлено исключительное господство в какой-либо определенной области”.

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой, - они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапливаются в чужие национальные организмы. Это капитализм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т. п. Отсюда национальные столкновения. Отсюда “непригодность” территориальной автономии. Единственный выход из такого положения, по мнению Шпрингера и Бауэра, - организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

“Необходимо, - говорит Шпрингер, - дать национальностям правильную организацию, облечь их правами и обязанностями”... Конечно, “закон легко создать, но оказывает ли он то действие, которого от него ожидают”... “Если хотят создать закон для наций, то прежде всего нужно создать самые нации”... “Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможны”.

В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как “требование рабочего класса”, “конституирование меньшинств в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа”.

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

“Эта принадлежность, - говорит Шпрингер, - устанавливается национальными матрикулами; каждый, живущий в области, должен объявить о своей принадлежности к какой-нибудь нации”.

“Персональный принцип, - говорит Бауэр, - предполагает, что население разделится по национальностям... на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан”, для чего и “должны быть заготовлены национальные кадастры”.

Далее.

“Все немцы, - говорит Бауэр, - в национально-однородных округах, затем все немцы, внесенные в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и выбирают национальный совет”.

То же самое нужно сказать о чехах, поляках и пр.

“Национальный совет, - по Шпрингеру, - это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для попечения о национальном школьном деле, о национальной литературе, искусстве и науке, для устройства академий, музеев, галлерей, театров” и пр..

Таковы организация нации и центральное учреждение последней.

Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы “сделать национальную культуру... достоянием всего народа и таким единственно возможным образом сплотить всех членов нации в национально-культурную общность” (курсив наш),

Можно подумать, что все это имеет отношение только к Австрии. Но Бауэр с этим не согласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих, как Австрия, из нескольких национальностей.

“Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей, пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, свое требование национальной автономии”.

Затем, незаметно подменяя самоопределение наций национальной автономией, продолжает:

“Так национальная автономия, самоопределение наций, неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей”.

Но он идет еще дальше. Он глубоко верит, что “конституированные” им и Шпрингером междуклассовые “национальные союзы” послужат неким прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, что “социалистический общественный строй... расчленил человечество на национально-отграниченные общества”, что при социализме произойдет “группировка человечества в автономные национальные общества”, что “таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пеструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций”, что, следовательно, “социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии”.

Кажется, довольно...

Таково обоснование культурно-национальной автономии в трудах Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего, бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо несомненно, что:

а) культурно-национальная автономия предполагает целостность государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целостности; б) самоопределение передает нации всю полноту прав, национальная же автономия - только “культурные” права. Это - во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии, - заявили же русинские с.-д. на Брюннском партийтаге о своей готовности объединить “две части” своего народа в одно целое. Как быть тогда с “не-

избежной для пролетариата всех наций” национальной автономией? Что это за “решение” вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целостности государства?

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она дает лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям? Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплываются. Но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселяющихся в другие области государства; при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы, а, может быть, и новый язык. Спрашивается: возможно ли объединить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз? Где те чудодейственные обряды, при помощи которых можно было бы объединить необъединимое? Мыслимо ли “сплотить в одну нацию”, например, прибалтийских и закавказских немцев? Но если все это немыслимо и невозможно, то чем отличается, в таком случае, национальная автономия от утопии старых националистов, стравившихся повернуть назад колесо истории?

Но единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма еще можно говорить о “культурной общности” пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы “общность” начинает таять. Нельзя серьезно говорить о “культурной общности” нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой “общности судьбы” может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат объявляет “войну войне”? Можно ли из таких противоположных элементов организовать единый междуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о “сплочении всех членов нации в

национально-культурную общность”? Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

Но допустим на минуту, что лозунг: “организуем нацию” - осуществимый лозунг. Можно еще понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся “организовать” нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься “организацией” наций, “конституированием” наций, “созданием” наций?

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые национальные союзы? До сих пор у австрийской - как и у всякой другой - с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, “устарела”. Теперь Шпрингер и Бауэр ставят “новую”, более занятую, задачу: “создать”, “организовать” нацию.

Впрочем, логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту “новую” задачу, но принять последнюю - это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма.

Культурно-национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утонченный вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о “сохранении и развитии национальных особенностей народов”. Подумайте только: “сохранить” такие “национальные особенности” закавказских татар, как самобичевание в праздник “Шахсей-Вахсей”! “Развить” такие “национальные особенности” грузин, как “право мести!1..

Такому пункту место в завзятой буржуазно-националистической программе, и если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но, непригодная для настоящего, национальная автономия еще более непригодна для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о “расчленении человечества на национально-отграниченные общества” опровергается всем

ходом развития современного человечества, Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают, Маркс еще в сороковых годах говорил, что “национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезают”, что “господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение”, Дальнейшее развитие человечества, с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и объединением людей на все более обширных территориях, - решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде “пестрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций” является робкой попыткой заменить марксову концепцию социализма реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки таят в себе элементы неминуемого краха.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливаемом Бауэром “социалистическом принципе национальности”, являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа классовой борьбы буржуазным “принципом национальности”. Если национальная автономия исходит из такого сомнительного принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Правда, национализм этот не так прозрачен, ибо он искусно замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь броней социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он отравляет атмосферу? Распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления рабочих различных национальностей.

Но вред национальной автономии этим не исчерпывается. Она prepares почву не только для обособления наций, но и для раздробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создает психологические предпосылки для

разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям, партии. За партией дробятся союзы, и получается йодное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина “национальной автономии”, дает наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская с.-д. партия, когда-то единая, начала дробиться “а отдельные партии еще с 1897 года (Вимбергский партейтаг). После Брюннского партейтага (1899), принявшего национальную автономию, дробление еще больше усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с.-д. партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведет к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того” что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Отсюда видно, что культурно-национальная автономия не разрешает национального вопроса. Мало того: она обостряет и запутывает его, создавая благоприятную почву для разрушения единства рабочего движения, для обособления рабочих по национальностям, для усиления трений между ними. Такова жатва национальной автономии.

V. БУНД, ЕГО НАЦИОНАЛИЗМ, ЕГО СЕПАРАТИЗМ

Выше мы говорили, что Бауэр, признающий национальную автономию необходимой для чехов, поляков и т. д., высказывается, тем не менее, против такой автономии для евреев. На вопрос: “должен ли рабочий класс требовать автономии для еврейского народа” Бауэр отвечает, что “наци-

ональная автономия не может быть требованием еврейских рабочих”. Причина) по мнению Бауэра, в том, что “капиталистическое общество не дает им (евреям. И. Ст.) сохраниться как нации”.

Короче: еврейская нация перестает существовать - стало быть, не для кого требовать национальной автономии. Евреи ассимилируются.

Взгляд этот о судьбе евреев, как нации, не нов. Его высказал Маркс еще в сороковых годах, имея в виду, главным образом, немецких евреев. Его повторил Каутский в 1903 году, имея в виду русских евреев. Теперь его повторяет Бауэр относительно австрийских евреев, с той, однако, разницей, что у него отрицается не настоящее, а будущее еврейской нации.

Невозможность сохранения евреев, как нации, Бауэр объясняет тем, что “евреи не имеют замкнутой колонизационной области”. Объяснение это, в основе правильное, не выражает, однако, всей истины. Дело, прежде всего, в том, что у евреев нет связанного с землей широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только как ее остов, но и как “национальный” рынок. Из 5-6 миллионов русских евреев только 3-4 процента связаны так или иначе с сельском хозяйством, Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях и, вообще, живут в городах, причем, рассеянные по России, ни в одной губернии не составляют большинства.

Таким образом, вкрапленные в инонациональные области в качестве национальных меньшинств, евреи обслуживают, главным образом, “чужие” нации и как промышленники и торговцы, и как люди свободных профессий, естественно приспособляясь к “чужим нациям” в смысле языка и пр. Все это, в связи с растущей перетасовкой национальностей, свойственной развитым формам капитализма, ведет к ассимиляции евреев. Уничтожение “черты оседлости” может лишь ускорить ассимиляцию.

Ввиду этого вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер: предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно еще доказать!

Тем не менее. Бунд стал на эту курьезную и шаткую позицию, приняв на своем VI съезде (1905 г.) “национальную программу” в духе национальной автономии. Два обстоятельства толкали Бунд на такой шаг. Первое обстоятельство - это существование Бунда как организации еврейских с.-д. рабочих и только еврейских. Еще до 1897 г. с.-д. группы, работавшие среди еврейских рабочих, ставили себе целью создание “специально еврейской рабочей организации”. В 1897 году они создали такую организацию, объединившись в Бунд. Это еще в то время, когда российская социал-демократия, как целое, фактически не существовала. С тех пор Бунд непрерывно рос и расширялся, все более выделяясь на фоне серых дней российской социал-демократии... Но вот наступают девятисотые годы. Начинается массовое рабочее движение. Растет польская с.-д. и втягивает в массовую борьбу еврейских рабочих. Растет российская с.-д. и привлекает к себе “бундовских” рабочих. Национальные рамки Бунда, лишенные территориальной базы, становятся тесными. Перед Бундом вопрос: либо раствориться в общей интернациональной волне, либо отстаивать свое самостоятельное существование, как экстерриториальной организации. Бунд выбирает последнее.

Так создается “теория” Бунда, как “единственного представителя еврейского пролетариата”.

Но оправдать эту странную “теорию” как-нибудь “просто” становится невозможным. Необходима какая-либо “принципиальная” подкладка, “принципиальное” оправдание. Такой подкладкой и оказалась культурно- национальная автономия. Бунд и ухватился за нее, позаимствовав ее у австрийской с.-д. Не будь такой программы у австрийцев. Бунд выдумал бы ее для того, чтобы “принципиально” оправдать свое самостоятельное существование.

Таким образом, после робкой попытки в 1901 г. (IV съезд) Бунд окончательно принимает “национальную программу” в 1905 г. (VI съезд).

Второе обстоятельство - это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств, внутри инонациональных компактных большинств целостных областей.

Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это - процесс объективный, Субъективно, в головах евреев, он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции. Проповедуя жизненность еврейской “национальности”. Бунд не мог не стать на точку зрения “гарантии”. Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо если и мог ухватиться Бунд за какую-либо автономию, то только за национальную, т. е. культурно-национальную о территориально-политической автономии евреев не могло быть и речи ввиду отсутствия у евреев определенной целостной территории.

Характерно, что Бунд с самого начала подчеркивал характер национальной автономии как гарантии прав национальных меньшинств, как гарантии “свободного развития” наций. Не случайно и то, что представитель Бунда на II съезде российской социал-демократии Гольдблат формулировал национальную автономию как “учреждения, гарантирующие им (нациям - И. Ст.) полную свободу культурного развития”. С таким же предложением вошли в четвертую с.-д. думскую фракцию сторонники идей Бунда...

Так стал Бунд на курьезную позицию национальной автономии евреев.

Выше мы разобрали национальную автономию вообще. Разбор показал, что национальная автономия ведет к национализму. Ниже мы увидим, что Бунд пришел к такому же концу. Но Бунд рассматривает национальную автономию еще со специальной стороны, со стороны гарантий прав национальных меньшинств, Разберем вопрос и с этой, специальной стороны. Это тем более необходимо, что вопрос о национальных меньшинствах - и не только еврейских - имеет для социал-демократии серьезное значение.

Итак, “учреждения, гарантирующие” нациям “полную свободу культурного развития” (курсив наш. И. Ст.).

Но что это за “учреждения, гарантирующие” и пр.?

Это прежде всего “национальный совет” Шпрингера-Бауэра, нечто вроде сейма по культурным делам.

Но могут ли эти учреждения гарантировать “полную свободу культурного развития” нации? Могут ли какие-либо сеймы по культурным делам гарантировать нации от националистических репрессий?

Бунд полагает, что могут.

Но история говорит обратное.

В русской Польше одно время существовал сейм, сейм политический, и он, конечно, старался гарантировать свободу “культурного развития” поляков, но он не только не успел в этом, а - наоборот - сам пал в неравной борьбе с общеполитическими условиями в России.

В Финляндии давно существует сейм, который также старается защищать финскую национальность от “покушений”, но много ли удается ему сделать в этом направлении - это все видят.

Конечно, сейм сейму рознь, и с демократически организованным финляндским сеймом не так легко справиться, как с аристократическим польским. Но решающим является все же не сам сейм, а общие порядки в России. Будь теперь в России такие же грубо-азиатские общественно-политические порядки, как в прошлом, в годы упразднения польского сейма, - финляндскому сейму пришлось бы куда хуже. Кроме того, политика “покушений” на Финляндию растет, и нельзя сказать, чтобы она терпела поражения...

Если так обстоит дело со старыми, исторически сложившимися учреждениями, с политическими сеймами, - то тем более не могут гарантировать свободного развития наций молодые сеймы, молодые учреждения, да еще такие слабые, как “культурные” сеймы.

Дело, очевидно, не в “учреждениях”, а в общих порядках в стране. Нет в стране демократизации - нет и гарантий “полной свободы культурного развития” национальностей. Можно с уверенностью сказать, что чем демократичнее страна, тем меньше “покушений” на “свободу национальностей”, тем больше гарантий от “покушений”.

Россия - страна полуазиатская, и потому политика “покушений” принимает там нередко самые грубые формы, фор-

мы погрома. Нечего и говорить, что “гарантии” доведены в России до крайнего минимума.

Германия - уже Европа с большей или меньшей политической свободой. Неудивительно, что политика “покушений” никогда не принимает там формы погрома.

Во Франции, конечно, еще больше “гарантий”, так как Франция демократичнее Германии.

Мы уже не говорим о Швейцарии, где, благодаря ей высокой, хотя и буржуазной, демократичности, национальностям живется свободно - все равно, представляют ли они меньшинство или большинство.

Итак, Бунд стоит на ложном пути, утверждая, что “учреждения” сами по себе могут гарантировать полное культурное развитие национальностей.

Могут заметить, что Бунд сам считает демократизацию в России предварительным условием “создания учреждений” и гарантий свободы. Но это неверно, Из “Отчета о VIII конференции Бунда” видно, что Бунд думает добиться “учреждений” на основе теперешних порядков в России, путем “реформирования” еврейской общины.

“Община, - говорил на этой конференции один из лидеров Бунда, - может стать ядром будущей культурно-национальной автономии. Культурно-национальная автономия есть форма самообслуживания нации, форма удовлетворения национальных потребностей. Под формой общины скрывается то же содержание. Это - звенья одной цепи, этапы одной эволюции”.

Исходя из этого, конференция решила, что нужно бороться “за реформирование еврейской общины и превращение ее законодательным путем в светское учреждение”, организованное демократически (курсив наш. И. Ст.).

Ясно, что условием и гарантией считает Бунд не демократизацию России, а будущее “светское учреждение” евреев, полученное путем “реформирования еврейской общины”, так сказать, в порядке “законодательном”, через Думу.

Но мы уже видели, что “учреждения” сами по себе, без демократических порядков во всем государстве, не могут служить “гарантиями”.

Ну, а как, все-таки, при будущем демократическом строе? Не понадобятся ли и при демократизме специальные “культурные учреждения, гарантирующие” и пр.? Как обстоит дело на этот счет, например, в демократической Швейцарии? Есть ли там специальные культурные учреждения, вроде шпрингеровского “национального совета”? Их там нет. Но не страдают ли через это культурные интересы, например, итальянцев, составляющих там меньшинство? Что-то не слышно. Да оно и понятно: демократия в Швейцарии делает лишними всякие специально-культурные “учреждения”, якобы “гарантирующие” и прочее.

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем - таковы учреждения культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится еще вредней, когда ее навязывают “нации”, существование в будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и кон* сервировать все особенности “нации”, не только полезные, но и вредные, - лишь бы “спасти нацию” от ассимиляции, лишь бы “уберечь” ее.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд, И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о “субботе”, “жаргоне” и пр.

Социал-демократия добивается права родного языка для всех наций, но Бунд этим не удовлетворяется, - он требует, чтобы “с особенной настойчивостью” отстаивали “права еврейского языка” (курсив наш. И. Ст.) причем сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдает “предпочтение тому из них (т. е. выборщиков), который обязуется отстаивать права еврейского языка”.

Не общее право родного языка, а отдельное право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие отдельных национальностей борются прежде всего за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр. Борьба за общее право всех наций - вещь второстепенная. Вы можете и не признавать права родного языка всех угнетенных национальностей;

но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас. Бунд “предпочтет” вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов ?

Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы “в законодательном порядке” было “обеспечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать и другой день”.

Надо думать, что Бунд сделает “шаг вперед” и потребует права празднования всех старо-еврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздное дать, то Бунд своей агитацией за “право субботы” будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, “дух субботний”...

Вполне понятны поэтому “пламенные речи” ораторов на VIII конференции Бунда о требовании “еврейских больниц”, причем требование это обосновывалось тем, что “больной чувствует себя лучше среди своих”, что “еврейский рабочий будет чувствовать себя плохо среди польских рабочих, он будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников”.

Сохранить все еврейское, консервировать все национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата, отграничить евреев от всего нееврейского, даже особые больницы устроить, - вот до чего опустился Бунд!

Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд “приспособляет социализм к национализму”, Конечно, Вл. Коссовский и подобные ему бундовцы могут ругать Плеханова “демагогом” - бумага все терпит, - но знакомым с деятельностью Бунда не трудно понять, что эти храбрые люди просто боятся сказать правду о себе, прикрываясь крепкими словами о “демагогии”...

Но, оставаясь на такой позиции в национальном вопросе, Бунд, естественно, должен был и в организационном вопросе стать на путь обособления еврейских рабочих, на путь национальных курни в социал- демократии. Такова уж логика национальной автономии!

И действительно, от теории “единственного представительства” Бунд переходит к теории “национального размежевания” рабочих. Бунд требует от российской социал-демократии, чтобы она “провела в своем организационном строении размежевание по национальностям”. От “размежевания” же он делает “шаг впереди к теории “обособления”. Недаром на VIII конференции Бунда раздавались речи о том, что “в обособлении - национальное существование”.

Организационный федерализм таит в себе элементы разложения и сепаратизма. Бунд идет к сепаратизму.

Да ему, собственно, и некуда больше идти. Самое его существование, как экстерриториальной организации, гонит его на путь сепаратизма. У Бунда нет определенной целостной территории, он подвизается на “чужих” территориях, между тем как соприкасающиеся с ним польская, латышская и российская социал-демократии являются интернационально - территориальными коллективами. Но это ведет к тому, что каждое расширение этих коллективов означает “урон” для Бунда, сужение его поля деятельности. Одно из двух: либо вся российская социал-демократия должна перестроиться на началах национального федерализма, - и тогда Бунд получает возможность “обеспечить” себе еврейский пролетариат; либо территориально - интернациональный принцип этих коллективов остается в силе, - и тогда Бунд перестраивается на началах интернациональности, как это имеет место в польской и латышской социал-демократии.

Этим и объясняется, что Бунд с самого начала требует “преобразования российской с.-д. на федеративных началах”.

В 1906 году Бунд, уступая объединительной волне в низах, избрал средний путь, войдя в российскую социал-демократию. Но как он вошел туда? В то время как польская и латышская социал-демократии вошли для мирной совместной работы. Бунд вошел с целью войны за федерацию. Лидер бундовцев Мелем так и говорил тогда:

“Мы идем не для идиллии, а для борьбы. Идиллии нет, и ждать ее в близком будущем могут только Маниловы. Бунд должен вступить в партию вооруженным с головы до ног”.

Было бы ошибочно видеть в этом злую волю Медема. Дело не в злой воле, а в особой позиции Бунда, в силу которой

он не может не бороться с российской социал-демократией, построенной на началах Питер национальности. Борясь же с ней, Бунд, естественно, нарушал интересы единства. Наконец, дело доходит до того, что Бунд формально порывает с российской социал-демократией, нарушив устав и объединившись на выборах в IV Думу с польскими националистами против польских с.-д.

Бунд, очевидно, нашел, что разрыв является наилучшим обеспечением его самостоятельности.

Так “принцип” организационного “размежевания” привел к сепаратизму, к полному разрыву.

Полемизируя о федерализме со старой “Искрой”, Бунд писал когда-то:

““Искра” хочет нас уверить, что федеративные отношения Бунда к российской социал-демократии должны ослабить связи между ними. Мы не можем опровергнуть это мнение ссылкой на практику в России по той простой причине, что российская с.-д. не существует как федеративное соединение. Но мы можем сослаться на чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии в Австрии, принявшей федеративный характер на основании решения партийтага 1897 г.”

Это писалось в 1902 г.

Но теперь у нас 1913 год. У нас есть теперь и российская “практика”, и “опыт с.-д. Австрии”.

О чем же они говорят?

Начнем с “чрезвычайно поучительного опыта с.-д. Австрии”. Еще до 1896 года в Австрии существует единая с.-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском международном конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 году, на Венском партийтаге (в Вимберге), единая партия формально ликвидируется и устнавливается вместо нее федеративный союз шести национальных “с.-д. групп”. Далее эти “группы” превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-помалу разрывают связи между собой. За партиями разрывается парламентская фракция - образуются национальные “клубы”. Далее идут союзы, которые тоже дробятся по национальностям. Дело

доходит даже до кооперативов, к дроблению которых призывают рабочих чешские сепаратисты. Мы уже не говорим о том, что сепаратистская агитация ослабляет у рабочих чувство солидарности, толкая их нередко на путь штрейкбрехерства.

Итак, “чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии Австрии” говорит против Бунда, за старую “Искру”. Федерализм в австрийской партии привел к самому безобразному сепаратизму, к разрушению единства рабочего движения.

Мы видели выше, что “практика в России” говорит о том же. Бундовские сепаратисты, так же как и чешские, порвали с общей, российской социал-демократией. Что касается союзов, бундовских союзов, то они с самого начала были организованы на началах национальности, т.е. были оторваны от рабочих других национальностей.

Полное обособление, полный разрыв - вот что показывает “русская практика” федерализма.

Неудивительно, что такое положение вещей отзывается на рабочих ослаблением чувства солидарности и деморализацией, причем последняя проникает и в Бунд. Мы имеем в виду все учащающиеся стычки еврейских и польских рабочих на почве безработицы. Вот какие речи раздавались по этому поводу на IX конференции Бунда:

“...Мы рассматриваем польских рабочих, вытесняющих нас, как погромщиков, как желтых, не поддерживаем их стачек, срываем их. Во-вторых, отвечаем на вытеснение вытеснением: в ответ на недопущение еврейских рабочих на фабрики мы не допускаем польских рабочих к ручным станкам... Боли мы не возьмем в своя руки этого дела, рабочие пойдут за другими” (курсив наш. И. Ст.).

Так говорят о солидарности на бундовской конференции.

В “размежевании” и “обособлении” дальше некуда идти. Бунд достиг цели: он межует рабочих разных национальностей до драки, до штрейкбрехерства. Нельзя иначе: “если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими”...

Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократии - вот куда приводит бундовский федерализм.

Таким образом, идея культурно-национальной автономии, атмосфера, которую она создает, оказалась еще более вредной в России, чем в Австрии.

VI.

КАВКАЗЦЫ, КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИКВИДАТОРОВ

Выше мы говорили о шатаниях одной части кавказских социал-демократов, не устоявшей против националистического “поветрия”. Шатания эти выразились в том, что упомянутые социал-демократы пошли - как это ни странно - по следам Бунда, провозгласив культурно-национальную автономию.

Областная автономия для всего Кавказа и культурно-национальная автономия для наций, входящих в состав Кавказа, - так формулируют свое требование эти социал-демократы - к стати сказать, примыкающие к русским ликвидаторам.

Выслушаем их признанного лидера, небезызвестного Н.

“Всем известно, что Кавказ глубоко отличается от Центральных губерний как по расовому составу своего населения, так и по территории и сельскохозяйственной культуре. Эксплуатация и материальное развитие такого края требуют местных работников, знатоков местных особенностей, привыкших к местному климату и культуре. Необходимо, чтобы все законы, преследующие цели эксплуатации местной территории, издавались на месте и проводились местными силами. Следовательно, в компетенцию центрального органа кавказского самоуправления войдет издание законов по местным вопросам... Таким образом, функции кавказского центра состоят в издании таких законов, которые преследуют цели хозяйственной эксплуатации местной территории, цели материального процветания края”.

Итак - областная автономия Кавказа.

Если отвлечься от мотивировки Н., несколько сбивчивой и нескладной, следует признать, что вывод у него правиль-

ный - Областная автономия Кавказа, действующая в рамках общегосударственной конституции, чего и Н. не отрицает, - в самом деле необходима ввиду особенностей состава и бытовых условий последнего. Это признано и российской социал-демократией, провозгласившей на II съезде "областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно - русских областей".

Внося этот пункт на обсуждение II съезда. Мартов мотивировал его тем, что "громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления дают нам повод считать необходимым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ".

Но из этого следует, что под областным самоуправлением нужно понимать областную автономию.

Но Н. идет дальше. По его мнению, областная автономия Кавказа захватывает "лишь одну сторону вопроса".

"До сих пор мы говорили только о материальном развитии местной жизни. Но экономическому развитию края способствует не только экономическая деятельность, но и духовная, культурная"... "Культурно сильная нация сильна и в экономической сфере"... "Но культурное развитие наций возможно лишь на национальном языке"... "Поэтому все те вопросы, которые связаны с родным языком, являются вопросами культурно-национальными. Таковы вопросы просвещения, судопроизводства, церкви, литературы, искусства, науки, театра и пр. Если дело материального развития края объединяет нации, то национально-культурные дела разъединяют их, ставя каждую из них на отдельное поприще. Деятельность первого рода связана с определенной территорией"... "Не то - культурно-национальные дела. Они связаны не с определенной территорией, а с существованием определенной нации. Судьбы грузинского языка одинаково интересуют грузина, где бы он ни жил. Было бы большим невежеством сказать, что грузинская культура касается только проживающих в Грузии грузин. Возьмем, например, армянскую церковь. В ведении ее дел

принимают участие армяне разных мест и государств. Здесь территория не играет никакой роли. Или, например, в создании грузинского музея заинтересован как тифлисский грузин, так я бакинский, кутаисский, петербургский и прочий. Значит, заведывание и руководство всеми культурно-национальными делами должно быть предоставлено самим заинтересованным нациям, Мы провозглашаем культурно-национальную автономию кавказских национальностей”.

Короче: так как культура - не территория, а территория - не культура, то необходима культурно- национальная автономия. Это все, что может сказать Н. в пользу последней.

Мы не будем здесь еще раз касаться национально- культурной автономии вообще: выше мы уже говорили об ее отрицательном характере. Нам хотелось бы только отметить, что, непригодная вообще, культурно- национальная автономия является еще бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий.

И вот почему.

Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу, Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их “организовать” в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно- национальной автономией?

Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их “организовать” в национальные союзы? Вокруг каких “культурных дел” их “организовать”?

Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко еще не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими,

частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их “организовать” в единый национальный союз?

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не “организовать” ли их отдельно от грузин на почве религиозных дел и вместе с грузинами на почве прочих культурных дел? А кобулетцы? А ингуши? А ингилойцы?

Что это за автономия, исключаящая из списка целый ряд народностей?

Нет, это не решение национального вопроса, - это плод досужей фантазии.

Но допустим недопустимое и предположим, что национально-культурная автономия нашего Н. осуществилась. К чему она поведет, к каким результатам? Взять, например, закавказских татар с их минимальным процентом грамотности, с их школами, во главе которых стоят всеильные муллы, с их культурой, проникнутой религиозным духом... Не трудно понять, что “организовать” их в культурно-национальный союз - это значит поставить во главе их мулл, это значит отдать их на съедение реакционным муллам, это значит создать новый бастион для духовного закабаления татарских масс злейшим врагом последних.

Но с каких пор социал-демократы стали лить воду на мельницу реакционеров?

Отграничить закавказских татар в культурно-национальный союз, закабаляющий массы злейшим реакционером, - неужели ничего лучшего не могли “провозгласить” кавказские ликвидаторы?..

Нет, это не решение национального вопроса.

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она стягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональ-

ной замкнутости, она толкает их вперед и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Между тем как культурно-национальная автономия действует в прямо противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низших ступенях развития культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры.

Тем самым национальная автономия парализует положительные стороны областной автономии, обращает последнюю в нуль.

Именно поэтому непригоден и тот смешанный тип автономии с сочетанием национально-культурной и областной, которую предлагает И. Это противоестественное сочетание не улучшает дела, а ухудшает, ибо оно, кроме того, что задерживает развитие запоздалых наций, превращает еще областную автономию в арену столкновений наций, организованных в национальные союзы.

Таким образом, непригодная вообще, культурно- национальная автономия превратилась бы на Кавказе в бессмысленную реакционную затею.

Такова культурно-национальная автономия И. и его Кавказских единомышленников.

Сделают ли кавказские ликвидаторы “шаг вперед” и последуют ли за Бундом и в организационном вопросе - покажет будущее. До сих пор в истории социал-демократии федерализм в организации всегда предшествовал национальной автономии в программе. Австрийские с.-д. еще с 1897 года проводили организационный федерализм и только через два года (1899) приняли национальную автономию. Бундовцы первый раз заговорили внятно о национальной автономии в 1901 году, между тем как организационный федерализм практиковали еще с 1897 года.

Кавказские ликвидаторы начали дело с конца, с национальной автономии. Если они дальше пойдут по стопам Бунда, то им придется предварительно разрушить все нынешнее организационное здание, построенное еще в конце 90-х годов на началах интернациональности.

Но насколько легко было принять пока еще непонятную для рабочих национальную автономию, настолько же труд-

но будет разрушить годами строившееся здание, взлелеянное и вспоенное рабочими всех национальностей Кавказа. Стоит приступить к этой геростратовской затее, чтобы рабочие открыли глаза и поняли националистическую сущность культурно-национальной автономии.

Если кавказцы решают национальный вопрос обычным способом, путем устных прений и литературной дискуссии, то всероссийская конференция ликвидаторов придумала совершенно необыкновенный способ, Легкий и простой способ. Слушайте:

“Выслушав сообщение кавказской делегации... о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта программы, признака вдето за каждой национальностью право на самоопределение, не идет вразрез с точным смыслом последней”.

Итак, прежде всего - “не высказываться по существу этого” вопроса, а потом - “констатировать”. Оригинальный метод...

Что же “констатирует” эта оригинальная конференция?

А то, что “требование” национально-культурной автономии “не идет вразрез с точным смыслом” программы, признающей право наций на самоопределение. Разберем это положение.

Пункт о самоопределении говорит о правах наций. По этому пункту нации имеют право не только на автономию, но и на отделение. Речь идет о политическом самоопределении. Кого хотели обмануть ликвидаторы, пытаясь перетолковать вкривь и вкось это издавна установленное во всей международной социал-демократии право политического самоопределения наций?

Или, может быть, ликвидаторы станут увертываться, защищаясь софизмом: дескать, культурно-национальная автономия “не идет вразрез” с правами наций? То есть, если все нации данного государства согласятся устроиться на началах культурно-национальной автономии, то они, данная сумма

наций, имеют на это полное право, и никто не может им насильственно навязать другую форму политической жизни, И ново, и умно. Не добавит ли, что, говоря вообще, нации имеют право отменить у себя конституцию, заменить ее системой произвола, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только сами нации, имеют право определять свою собственную судьбу. Повторяем: в этом смысле ни культурно-национальная автономия, ни любая национальная реакционность “не идет вразрез” с правами наций.

Не это ли хотела сказать почтенная конференция?

Нет, не это. Она прямо говорит, что культурно- национальная автономия “не идет вразрез”) не с правами наций, а “с точным смыслом” программы. Речь здесь о программе, а не о правах наций.

Оно и понятно. Если бы к конференции ликвидаторов обратилась какая-либо нация, то конференция могла бы прямо констатировать, что нация имеет право на культурно-национальную автономию. Но к конференции обратилась не нация, а “делегация” кавказских социал-демократов, правда, плохих социал-демократов, но все-таки социал-демократов. И спрашивали они не о правах наций, а о том, не противоречит ли культурно-национальная автономия принципам социал-демократии, не идет ли она “вразрез” “с точным смыслом” программы социал-демократии?

Итак, права наций и “точный смысл” программы социал-демократии - не одно и то же.

Очевидно, есть и такие требования, которые, не идя вразрез с правами наций, могут идти вразрез с “точным смыслом” программы.

Пример. В программе социал-демократов имеется пункт о свободе вероисповедания. По этому пункту любая группа лиц имеет право исповедывать любую религию: католицизм, православие и т.д. Социал- демократия будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков и протестантов. Значит ли это, что католицизм и протестантизм и т. д. “не идут вразрез с точным смыслом” программы? Нет, не значит. Социал-демократия

всегда будет протестовать против гонений на католицизм и протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма и против протестантизма, и против православия, с тем чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению.

И она будет это делать потому, что протестантизм, католицизм, православие и т.д., без сомнения, “идут вразрез с точным смыслом” программы, “ т. е. с правильно понятыми интересами пролетариата.

То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое свое национальное учреждение, и вредное, и полезное, - никто поможет (не имеет нрава!) насильственно вмешиваться в жизнь наций. Но это еще не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата. Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо и то и другое, не идя вразрез с правами этих наций, идет, однако, вразрез “с точным смыслом” программы, т. е. с интересами кавказского пролетариата.

Очевидно, “права наций” и “точный смысл” программы - две совершенно различные плоскости. В то время как “точный смысл” программы выражает интересы пролетариата, научно сформулированные в программе последнего, - права наций могут выражать интересы любого класса-буржуазии, аристократии, духовенства и т. д., смотря по силе и влиянию этих классов. Там обязанности марксиста, здесь права наций, состоящих из разных классов. Права наций и принципы социал-демократизма так же могут идти или не “идти вразрез” друг с

другом, как, скажем, Хеопсова пирамида - с пресловутой конференцией ликвидаторов. Они просто несравнимы.

Но из этого следует, что почтенная конференция самым непростительным образом спутала две совершенно различные вещи. Получилось не разрешение национального вопроса, а бессмыслица, в силу которой права наций и принципы социал-демократии “не идут вразрез” друг с другом, - следовательно, каждое требование наций может быть совмещено с интересами пролетариата, следовательно, ни одно требование наций, стремящихся к самоопределению, не будет “итти вразрез с точным смыслом” программы!

Не пожалели логики...

На почве этой бессмыслицы и выросло то отныне знаменитое постановление конференции ликвидаторов, по которому требование национально-культурной автономии “не идет вразрез с точным смыслом” программы.

Но конференция ликвидаторов нарушает не только законы логики.

Она нарушает еще свой долг перед российской социал-демократией, санкционируя культурно-национальную автономию. Она самым определенным образом нарушает “точный смысл” программы, ибо известно, что II съезд, принявший программу, решительно отверг культурно-национальную автономию. Вот что говорилось по этому поводу на этом съезде:

“Гольдблат (бундовец): ...Я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8 - “и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития” (это, как известно, бундовская формулировка культурно-национальной автономии. И. Ст.).

Мартынов указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого особого учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальности.

Егоров: В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е. мы против всяких

стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до того, будет ли та или другая национальность развиваться как таковая. Это-дело стихийного процесса.

Кольцов; Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходит речь об их национализме. Между тем та поправка, которая внесена делегатом от Бунда, - чисто националистического характера. От нас требуют чисто наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают”.

...В результате “поправка Годьдבלата отвергнута большинством против трех”.

Итак, ясно, что конференция ликвидаторов пошла “вразрез с точным смыслом” программы. Она нарушила программу.

Теперь ликвидаторы пытаются оправдаться, ссылаясь на Стокгольмский съезд, который якобы санкционировал культурно-национальную автономию, Так, Вл. Коссовский пишет:

“Как известно, по договору, принятому на Стокгольмском съезде. Бунду предоставлено было сохранить свою национальную программу (до решения национального вопроса на общепартийном съезде). Этот съезд признал, что национально-культурная автономия во всяком случае не противоречит общепартийной программе”.

Но попытки ликвидаторов тщетны. Съезд в Стокгольме и не думал санкционировать программу Бунда - он просто согласился временно оставить вопрос открытым. Храброму Коссовскому не хватило мужества сказать всю правду, Но факты сами говорят о себе. Вот они:

“Вносится поправка Галиным: “Вопрос о национальной программе остается открытым ввиду не рассмотрения его съездом”. (За - 50 голосов, против - 32.)

Голос. Что значит - открытым?

Председатель. Если мы говорим, что национальный вопрос остается открытым, то это значит, что Бунд до следующего съезда может сохранить свое решение по этому вопросу” (курсив наш. И, Ст.).

Как видите, съезд даже “не рассмотрел” вопроса о национальной программе Бунда - он просто оставил его “открытым”, предоставив самому Бунду решить судьбу своей

программы до следующего общего съезда. Другими словами: съезд в Стокгольме уклонился от вопроса, не дав оценки культурно-национальной автономии ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем, конференция ликвидаторов самым определенным образом входит в оценку дела, признает культурно-национальную автономию приемлемой и санкционирует ее именем программы партии.

Разница бросается в глаза.

Таким образом, конференция ликвидаторов, несмотря на всякие ухищрения, ни на шаг не двинула вперед национального вопроса.

Влияние перед Бундом и кавказскими национал-ликвидаторами - это все, на что она оказалась способной.

VII.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС РОССИИ

Нам остается наметить положительное решение национального вопроса.

Мы исходим из того, что вопрос может быть решен лишь в неразрывной связи с переживаемым в России моментом.

Россия живет в переходное время, когда “нормальная”, “конституционная” жизнь еще не установилась, когда политический кризис еще не разрешен. Дни бурь и “осложнений” впереди. Отсюда движение, наличное и грядущее, движение, ставящее себе целью полную демократизацию.

В связи с этим движением и должен быть рассмотрен национальный вопрос.

Итак, полная демократизация страны, как основа и условие решения национального вопроса.

Следует учесть при решении вопроса не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем. Рост демократизма в Азии неизбежен. Рост империализма в Европе - не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и

Бойне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений. Поэтому вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды.

Но из этого следует, что русские марксисты не обойдутся без права наций на самоопределение.

Итак, право самоопределения, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Далее. Как быть с нациями, которые по тем или иным причинам предпочтут остаться в рамках целого?

Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна. Во-первых, она искусственна и нежизненна, ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых жизнь, действительная жизнь, разъединяет и перебрасывает в разные концы государства. Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведет к точке зрения “размежевания” людей по национальным куриям, к точке зрения “организации” наций, к точке зрения “сохранения” и культивирования “национальных особенностей”, - дело, совершенно не идущее к социал-демократии. Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхсрате, отделившись от немецких с.-д. депутатов, объединились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское “коле”. Не случайность и то, что сепаратисты ив Бунда увязли в национализме, превознося “субботу” и “жаргон”. В Думе нет еще бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в “руководящих учреждениях” которой Бунд устраивает, пока что, “объединёнку” еврейских рабочих и буржуа. Такова уж логика культурно-национальной автономии.

Итак, национальная автономия не решает вопроса.

Где же выход?

Единственно верное решение - областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории. Затем, она не межит людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, - наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межвания другого рода, межвания по классам. Наконец, она дает возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра, - функции, не присущие культурно-национальной автономии.

Итак, областная автономия, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, - русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основание лишь в том случае, если страна остается при старых порядках. Дайте стране полный демократизм, - и опасения потеряют всякую почву.

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз без полной демократизации? Или: какая необходимость в национальном союзе при полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка, Дайте ему пользоваться родным языком, - и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу, - и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недоволено не отсутствием национально-го союза, а отсутствием свободы совести (свобода вероисповедания), передвижения и пр. Дайте ему эти свободы, - и оно перестанет быть недовольным.

Итак, национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), как необходимый дунет в решении национального вопроса. Необходим, следовательно, общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

В этом и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав меньшинства.

Можно оспаривать или не оспаривать существование логической связи между организационным федерализмом и культурно-национальной автономией. Но нельзя оспаривать того, что последняя создает благоприятную атмосферу для безбрежного федерализма, переходящего в полный разрыв, в сепаратизм. Если чехи в Австрии и бундовцы в России, начав дело с автономии и перейдя потом к федерации, кончили сепаратизмом, - то в этом, несомненно, крупную роль сыграла националистическая атмосфера, которую естественно распространяет культурно-национальная автономия. Это не случайность, что национальная автономия и организационная федерация идут рука об руку. Оно и понятно. И та и другая требуют размежевания по национальностям. И та и другая предполагают организацию по национальностям. Сходство несомненное. Разница лишь в том, что там межуют население вообще, а здесь - с.-д. рабочих.

Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям. Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейкбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии, - таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об этом.

Единственное средство против этого - организация на началах интернациональности.

Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую партию - такова задача.

Само собой понятно, что такая постройка партии не исключает, а предполагает широкую автономию областей внутри единого партийного целого.

Опыт Кавказа показывает всю целесообразность такого типа организации. Если кавказцам удалось преодолеть национальные трения между армянскими и татарскими рабочими, если им удалось обезопасить население от возможностей резни и перестрелок, если в Баку, в этом калейдоскопе национальных групп, теперь уже невозможны национальные столкновения, если там удалось вовлечь рабочих в единое русло могучего движения, - то в этом не последнюю роль сыграла интернациональная постройка кавказской социал- демократии.

Тип организации влияет не только на практическую работу. Он накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего. Рабочий живет жизнью своей организации, он там растет духовно и воспитывается. И вот, вращаясь в своей организации и встречаясь там каждый раз со своими инонациональными товарищами, ведя вместе с ними общую борьбу под руководством общего коллектива, - он глубоко проникается мыслью о том, что рабочие прежде всего - члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма. А это не может не иметь громадного воспитательного значения для широких слоев рабочего класса.

Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма.

Не то с организацией по национальностям. Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не общее между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий

прежде всего-член своей нации: еврей, поляк и т. д. Неудивительно, что национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности.

Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения.

Таким образом, перед нами два принципиально различных типа организации: тип интернациональной сплоченности и тип организационного “размежевания” рабочих по национальностям,

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха. Примиренческий устав австрийской социал-демократии, выработанный в Вимберге в 1897 году, повис в воздухе. Австрийская партия разбилась на части, увлекая за собой союзы. “Примирение” оказалось не только утопичным, но и вредным. Штрассер прав, утверждая, что “сепаратизм получил свой первый триумф на Вимбергском партийтаге”. То же самое в России, “Примирение” с федерализмом Бунда, состоявшееся на Стокгольмском съезде, кончилось полным крахом. Бунд сорвал стокгольмский компромисс. Бунд с первого же дня после Стокгольма стал помехой на пути к слиянию рабочих на местах в единую организацию, включающую рабочих всех национальностей. И Бунд упорно продолжал свою сепаратистскую тактику, несмотря на то, что и в 1907 и в 1908 году российская социал-демократия несколько раз требовала, чтобы единство снизу между рабочими всех национальностей было, наконец, осуществлено. Бунд, начавший с организационной национальной автономии, перешел на деле к федерации для того, чтобы кончить полным разрывом, сепаратизмом. Разрывая же с российской социал-демократией, он внес в нее разброд и дезорганизацию. Вспомним, хотя бы, дело Ягелло.

Поэтому путь “примирения” должен быть оставлен, как утопический и вредный.

Одно из двух: либо федерализм Бунда, и тогда - российская социал-демократия перестраивается на началах “размежевания” рабочих по национальностям; либо интернациональный тип организации, и тогда - Бунд перестраивается на

началах территориальной автономии, по образцу кавказской, латышской и польской' социал-демократии, открывая дорогу делу непосредственного объединения еврейских рабочих с рабочими других национальностей России.

Среднего нет: принципы побеждают, а не "примиряются".

Итак - принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Вена, 1913 г., январь,

Впервые напечатано в журнала

"Просвещение" №№ 3-5,

март-май 1913 г.

Подпись: К. Сталин

И.В. Сталин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ЛЕНИНИЗМ

**Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку
и другим**

Ваши письма получил. Они аналогичны целому ряду писем на ту же тему, полученных мною за последние месяцы от других товарищей. Я решил, однако. Ответить именно вам потому, что вы ставите вопросы грубо и этим помогаете добиться ясности. Правда, вы даете в своих письмах неправильное решение поставленных вопросов, но это другое дело, - об этом поговорим ниже.

Перейдем к делу.

1. ПОНЯТИЕ “НАЦИЯ”

Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории

нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание.

Как видно из ваших писем, вы считаете эту теорию недостаточной. Поэтому вы предлагаете добавить к четырём признакам нации пятый признак, а именно: наличие своего собственного обособленного национального государства. Вы считаете, что без наличия этого пятого признака нет и не может быть нации.

Я думаю, что предлагаемая вами схема с её новым, пятым признаком понятия “нация” - глубоко ошибочна и не может быть оправдана ни теоретически, ни практически - политически.

При вашей схеме пришлось бы признать нациями только такие нации, которые имеют своё собственное, отдельное от других, государство, а все угнетённые нации, лишённые самостоятельной государственности, пришлось бы вычеркнуть из разряда наций, причём борьбу угнетённых наций против национального гнёта, борьбу колониальных народов против империализма пришлось бы изъять из понятия “национальное движение”, “национально-освободительное движение”.

Более того. При вашей схеме пришлось бы утверждать, что:

а) ирландцы стали нацией лишь после образования “Ирландского свободного государства”, а до этого времени они не представляли собой нации;

б) норвежцы не были нацией до отделения Норвегии от Швеции, а стали нацией лишь после такого отделения;

в) украинцы не были нацией, когда Украина входила в состав царской России, они стали нацией лишь после отделения от Советской России при Центральной раде и гетмане Скоропадском, но они вновь перестали быть нацией после того, как объединили свою Украинскую Советскую республику с другими Советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик.

Таких примеров можно было бы привести многое множество.

Очевидно, что схема, приводящая к таким абсурдным выводам, не может считаться научной схемой.

Практически - политически ваша схема неизбежно приводит к оправданию национального, империалистического гнёта, носители которого решительно не признают за действительные нации угнетённые и неполноправные нации, не имеющие своих отдельных национальных государств, и считают, что это обстоятельство даёт им право угнетать эти нации.

Я уже не говорю о том, что ваша схема приводит к оправданию буржуазных националистов в наших Советских республиках, доказывающих, что советские нации перестали быть нациями после того, как они пошли на объединение своих национальных Советских республик в Союз Советских Социалистических Республик.

Так обстоит дело с вопросом о “дополнении” и “исправлении” русской марксистской теории нации.

Остаётся одно: признать, что русская марксистская теория нации является единственно правильной теорией.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИЙ

Одна из серьёзных ваших ошибок состоит в том, что вы валите в одну кучу все существующие ныне нации и не видите принципиальной разницы между ними.

Разные бывают нации на свете. Есть нации, развившиеся в эпоху подымающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздроблённость, собирала нацию воедино и цементировала её. Это - так называемые “современные” нации.

Вы утверждаете, что нации возникли и существовали еще до капитализма. Но как могли возникнуть нации и существовать до капитализма, в период феодализма, когда страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз? Вопреки вашим ошибочным утверждениям не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое.

Конечно, элементы нации - язык, территория, культурная общность и т. д. - не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами.

В этой связи следует отметить замечательные слова Ленина по вопросу о возникновении наций, сказанные им в брошюре “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?”. Полемизируя с народником Михайловским, который возникновение национальных связей и национального единства выводит из развития родовых связей, Ленин говорит:

“Итак, национальные связи, это - продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности - гласит эта доктрина прописей - состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества..., затем - дескать - семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только - помимо всего другого, - что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным

обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных” (см. т. 1, стр. 72-73).

Так обстоит дело с возникновением так называемых - “современных” наций.

Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради “единства нации”; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом, -таков идейный и социально-политический багаж этих наций.

Такие нации следует квалифицировать, как буржуазные нации. Таковы, например, французская, английская, итальянская, североамериканская и другие, подобные им, нации. Такими же буржуазными нациями были русская, украинская, татарская, армянская, грузинская и другие нации в России до утверждения диктатуры пролетариата и Советского строя в нашей стране.

Понятно, что судьба таких наций связана с судьбой капитализма, что с падением капитализма должны сойти со сцены такие нации.

Именно такие буржуазные нации имеет в виду брошюра Сталина “Марксизм и национальный вопрос”, когда она говорит, что “нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи подымающегося капитализма”, что “судьбы национального движения, в существе своём буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии”, что “окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии”, что “только в царстве социализма может быть установлен полный мир”.

Так обстоит дело с буржуазными нациями.

Но есть на свете и другие нации. Это - новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржу-

азных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и её националистических партий, после утверждения Советского строя.

Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнёта во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетёнными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, - таков духовный и социально-политический облик этих наций.

Такие нации следует квалифицировать, как социалистические нации.

Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, путём коренного их преобразования в духе социализма. Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе - русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, узбекская, казахская, азербайджанская, грузинская, армянская и другие нации - коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям. Таковы два типа наций, известные истории. Вы не согласны с тем, чтобы связать судьбу наций, в данном случае судьбу старых, буржуазных наций, - с судьбой капитализма. Вы не согласны с тезисом о том, что с ликвидацией капитализма будут ликвидированы старые, буржуазные нации. А с чем же, собственно, можно было бы связать судьбу этих наций, если не с судьбой капитализма? Разве трудно понять, что с исчезновением капитализма должны исчезнуть порожденные им буржуазные нации? Не думаете ли

вы, что старые, буржуазные нации могут существовать и развиваться при советском строе, при диктатуре пролетариата? Этого еще не хватало...

Вы опасаетесь того, что ликвидация существующих при капитализме наций равносильна ликвидации наций вообще, ликвидации всякой нации. Почему, на каком основании? Неужели не известно вам, что кроме буржуазных наций существуют еще другие нации, социалистические нации, гораздо более сплочённые и жизнеспособные, чем любая буржуазная нация?

В том-то и состоит ваша ошибка, что вы не видите других наций, кроме наций буржуазных, следовательно, вы проглядели целую эпоху образования социалистических наций в Советском Союзе, возникших на развалинах старых, буржуазных наций.

В том-то и дело, что ликвидация буржуазных наций означает не ликвидацию наций вообще, а ликвидацию всего лишь буржуазных наций. На развалинах старых, буржуазных наций возникают и развиваются новые, социалистические нации, являющиеся гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация.

3. БУДУЩНОСТЬ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Вы допускаете серьёзную ошибку, проводя знак равенства между периодом победы социализма в одной стране и периодом победы социализма в мировом масштабе, утверждая, что не только при победе социализма в мировом масштабе, но и при победе социализма в одной стране возможно и необходимо исчезновение национальных различий и национальных языков, слияние наций и образование единого общего языка. При этом вы смешиваете совершенно различные вещи: “уничтожение национального гнёта” с “ликвидацией национальных различий”, “уничтожение национальных госу-

дарственных перегородок” с “отмиранием наций”, с “слиянием наций”.

Нельзя не отметить, что совершенно недопустимо для марксистов смешение этих разнородных понятий. У нас, в нашей стране, давно уже уничтожен национальный гнёт, но из этого вовсе не следует, что национальные различия исчезли и нации нашей страны ликвидированы. У нас, в нашей стране, давно уже ликвидированы национальные государственные перегородки с пограничной стражей, с таможнями, но ив этого вовсе не следует, что нации уже слились и национальные языки исчезли, что эти языки заменены каким-то одним общим для всех наших наций языком.

Вы не довольны моей речью в Коммунистическом университете народов Востока (1925 г.), где я отрицаю правильность тезиса о том, что при победе социализма в одной стране, например - в нашей стране, национальные языки якобы отомрут, нации сольются и вместо национальных языков появится один общий язык.

Вы считаете, что такое моё заявление противоречит известному тезису Ленина о том, что целью социализма является не только уничтожение раздроблённости человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их.

Вы считаете, далее, что оно противоречит также другому ленинскому тезису о том, что при победе социализма в мировом масштабе начнут отмирать национальные различия и национальные языки, что после такой победы национальные языки начнут заменяться одним общим языком.

Это совершенно неверно, товарищи. Это - глубокое заблуждение.

Я уже говорил выше, что непозволительно для марксиста смешивать и валить в одну кучу такие разнородные явления, как “победа социализма в одной стране” и “победа социализма во всемирном масштабе”. Не следует забывать, что эти разнородные явления отражают две совершенно различные эпохи, отличающиеся друг от друга не только по времени (что очень важно), но и по самому своему существу.

Национальное недоверие, национальная обособленность, национальная вражда, национальные столкновения стимулируются и поддерживаются, конечно, не каким-либо “врождённым” чувством национального злопахательства, а стремлением империализма покорить чужие нации и страхом этих наций перед угрозой национального порабощения. Несомненно, что пока существует мировой империализм, будут существовать и это стремление и этот страх, - следовательно, будут существовать в громадном большинстве стран и национальное недоверие, и национальная обособленность, и национальная вражда, и национальные столкновения. Можно ли утверждать, что победа социализма и ликвидация империализма в одной стране означают ликвидацию империализма и национального гнёта в большинстве стран? Ясно, что нельзя. Но из этого следует, что победа социализма в одной стране, несмотря на то, что она серьёзно ослабляет мировой империализм, всё же не создаёт и не может создать условий, необходимых для слияния наций и национальных языков мира в одно общее целое.

Период победы социализма во всемирном масштабе тем прежде всего и отличается от периода победы социализма в одной стране, что он ликвидирует империализм во всех странах, уничтожает как стремление к покорению чужих наций, так и страх перед угрозой национального порабощения, подрывает в корне национальное недоверие и национальную вражду, объединяет нации в единой системе мирового социалистического хозяйства и создаёт, таким образом, реальные условия, необходимые для постепенного слияния всех наций в одно целое.

Таково коренное различие между этими двумя периодами.

Но из этого следует, что смешивать эти два различных периода и валить их в одну кучу, - значит допустить непростительную ошибку. Возьмём моё выступление в КУТВ. Там сказано:

“Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого

всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие”.

Из этой цитаты видно, что я выступал против людей типа Каутского, который (то есть Каутский) всегда был и оставался дилетантом в национальном вопросе, который не понимает механики развития наций и не имеет представления о колоссальной силе устойчивости наций, который считает возможным слияние наций задолго до победы социализма, еще при буржуазно-демократических порядках, который, подобострастно восхваляя ассимиляторскую “работу” немцев в Чехии, легкомысленно утверждает, что чехи почти что онемечены, что чехи, как нация, не имеют будущности.

Из этой цитаты видно, далее, что в своём выступлении я имел в виду не период победы социализма в мировом масштабе, а исключительно период победы социализма в одной стране. При этом я утверждал (и продолжаю утверждать), что период победы социализма в одной стране не даёт условий, необходимых для слияния наций и национальных языков, что - наоборот, этот период создаёт благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнёта.

Из этой цитаты видно, наконец, что вы проглядели колоссальную разницу между двумя различными историческими периодами, не поняли ввиду этого смысла выступления Сталина и запутались в результате всего этого в дебрях своих собственных ошибок.

Перейдём к тезисам Ленина об отмирании и слиянии наций после победы социализма в мировом масштабе.

Вот один из тезисов Ленина, взятый из статьи Ленина “Социалистическая революция и право наций на самоопределение”, изданной в 1916 году, который почему-то не полностью цитируется в ваших письмах:

“Целью социализма является не только уничтожение раздроблённости человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. ...Подобно тому, как человечество может придти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетённого класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может придти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетённых наций, т. е. их свободы отделения” (см. т. XIX, стр. 40).

А вот другой тезис Ленина, который тоже не полностью цитируется у вас.

“Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами, - а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, - единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это - вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям” (см. т. XXV, стр. 227).

Следует отметить, что эта цитата взята из брошюры Ленина “Детская болезнь “левизны” в коммунизме”, изданной в 1920 году, то есть - после победы социалистической революции в одной стране, после победы социализма в нашей стране.

Из этих цитат видно, что процесс отмирания национальных различий и слияния наций Ленин относит не к периоду

победы социализма в одной стране, а исключительно к периоду после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, то есть, к периоду победы социализма во всех странах, когда будут уже заложены основы мирового социалистического хозяйства.

Из этих цитат видно, далее, что попытку отнести процесс отмирания национальных различий к периоду победы социализма в одной стране, в нашей стране, Ленин квалифицирует, как “вздорную мечту”.

Из этих цитат видно, кроме того, что Сталин был безусловно прав, отрицая в своей речи в КУТВ возможность отмирания национальных различий и национальных языков в период победы социализма в одной стране, в нашей стране, а вы были безусловно не правы, отстаивая нечто прямо противоположное тезису Сталина.

Из этих цитат видно, наконец, что, смешивая два различных периода победы социализма, вы не поняли Ленина, извратили линию Ленина в национальном вопросе и встали вследствие этого, помимо вашей воли, на путь разрыва с ленинизмом.

Было бы неправильно думать, что уничтожение национальных различий и отмирание национальных языков произойдёт сразу же после поражения мирового империализма, одним ударом, в порядке, так сказать, декретирования сверху. Нет ничего ошибочнее такого взгляда. Пытаться произвести слияние наций путём декретирования сверху, путём принуждения, - означало бы сыграть на руку империалистам, загубить дело освобождения наций, похоронить дело организации сотрудничества и братства наций. Такая политика была бы равносильна политике ассимиляции.

Вам, конечно, известно, что политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная.

Кроме того, известно, что нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие

ассимиляторы,-наиболее жестокие из всех ассимиляторов, - сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-пруссские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а - наоборот - оказались вынужденными также капитулировать.

Необходимо учесть все эти обстоятельства, чтобы правильно предвидеть вероятный ход событий с точки зрения развития нации непосредственно после поражения мирового империализма.

Было бы ошибочно думать, что первый этап периода всемирной диктатуры пролетариата будет началом отмирания наций и национальных языков, началом складывания единого общего языка. Наоборот, первый этап, в течение которого будет окончательно ликвидирован национальный гнёт,-будет этапом роста и расцвета ранее угнетённых наций и национальных языков, этапом утверждения равноправия наций, этапом ликвидации взаимного национального недоверия, этапом налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями.

Только на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство,- вместо мирового капиталистического хозяйства, -только на этом этапе начнёт складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык,- для удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества. Стало быть, на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно. Возможно, что первоначально будет создан не один общий для всех наций миро-

вой экономический центр с одним общим языком, а несколько зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы наций, и только впоследствии эти центры объединятся в один общий мировой центр социалистического хозяйства с одним общим для всех наций языком.

На следующем этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдёт в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками, - национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку.

Такова, по-моему, приблизительная картина будущности наций, картина развития наций на путях их слияния в будущем.

4. ПОЛИТИКА ПАРТИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Одна из ваших ошибок состоит в том, что вы рассматриваете национальный вопрос не как часть общего вопроса о социально-политическом развитии общества, подчинённую этому самому общему вопросу, а как нечто самодовлеющее и постоянное, - не меняющее в основном своего направления и характера на протяжении истории. Поэтому вы не видите того, что видит каждый марксист, а именно того, что национальный вопрос имеет не всегда одинаковый характер, что характер и задачи национального движения меняются в зависимости от различных периодов развития революции.

Логически этим, собственно и объясняется тот печальный факт, что вы так легко смешиваете и валите в одну кучу разнородные периоды развития революции, не понимая того, что изменение характера и задач революции на различных этапах развития вызывает соответствующие изменения в характере и задачах национального вопроса. Что сообразно с этим меняется и политика партии в национальном вопросе,

что следовательно, нельзя политику партии в национальном вопросе, связанную с одним периодом развития революции, насильственно отрывать от этого периода и произвольно переносить на другой период.

Русские марксисты всегда исходили из того положения, что национальный вопрос есть часть общего вопроса о развитии революции, что на различных этапах революции национальный вопрос имеет различные задачи, соответствующие характеру революции в каждый данный исторический момент, что сообразно с этим меняется и политика партии в национальном вопросе.

В период перед первой мировой войной, когда история выдвинула буржуазно-демократическую революцию в России, как задачу момента, русские марксисты связывали решение национального вопроса с судьбой демократического переворота в России. Наша партия считала, что свержение царизма, ликвидация остатков феодализма и полная демократизация страны - являются лучшим решением национального вопроса, возможным в рамках капитализма.

Такова политика партии в этот период.

К этому периоду относятся известные статьи Ленина по национальному вопросу, в том числе статья “Критические заметки по национальному вопросу”, где Ленин говорит:

“... я утверждаю, что есть только одно решение национального вопроса, поскольку вообще возможно таковое в мире капитализма, и это решение - последовательный демократизм. В доказательство я ссылаюсь, между прочим, на Швейцарию” (см. т. XVII, стр 150).

К этому же периоду относится брошюра Сталина “Марксизм и национальный вопрос”, где, между прочим, сказано:

“Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата - возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно

демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития”.

В следующий период, в период первой мировой войны, когда длительная война между двумя империалистическими коалициями подорвала могущество мирового империализма, когда кризис мировой системы капитализма дошел до крайней степени. Когда наряду с рабочим классом “метрополий” вступили в освободительное движение также колониальные и зависимые страны, когда национальный вопрос перерос в национально-освободительный вопрос, когда единый фронт рабочего класса передовых капиталистических стран и угнетенных народов колоний и зависимых стран стал превращаться в реальную силу, когда, следовательно, социалистическая революция стала вопросом момента, -русские марксисты уже не могли удовлетворяться политикой предыдущего периода и они сочли необходимым связать решение национально-колониального вопроса с судьбой социалистического переворота.

Партия считала, что свержение власти капитала и организация диктатуры пролетариата, изгнание империалистических войск из пределов колониальных и зависимых стран и обеспечение для этих стран права на отделение и организацию своих национальных государств, ликвидация национальной вражды и национализма и укрепление интернациональных связей между народами, организация единого социалистического народного хозяйства и налаживание на этой почве братского сотрудничества народов, -являются лучшим решением национально-колониального вопроса в данных условиях.

Такова политика партии в этот период.

Период этот далеко еще не вошёл в свою полную силу, ибо он только начался, но несомненно, что он еще скажет своё решающее слово...

Особо стоит вопрос о нынешнем периоде развития революции в нашей стране и нынешней политике партии.

Следует отметить, что наша страна оказалась пока что единственной страной, готовой свергнуть капитализм. И она действительно свергла капитализм, организовала диктатуру пролетариата.

Следовательно, до осуществления диктатуры пролетариата в мировом масштабе и-тем более-до победы социализма во всех странах, - пока еще далеко.

Следует, далее, отметить, что, покончив с властью буржуазии, которая давно уже отказалась от своих старых демократических традиций, мы мимоходом разрешили задачу “полной демократизации страны”, ликвидировали систему национального гнёта и провели равноправие наций в нашей стране.

Как известно, эти меры оказались лучшим средством для ликвидации национализма и национальной вражды, для установления доверия между народами.

Следует, наконец, отметить, что уничтожение национального гнёта привело к национальному возрождению ранее угнетённых наций нашей страны, к росту их национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей между народами нашей страны и налажению сотрудничества между ними в деле социалистического строительства.

Нужно помнить, что эти возрожденные нации являются уже не старыми, буржуазными нациями, руководимыми буржуазией, а новыми, социалистическими нациями, возникшими на развалинах старых наций и руководимыми интернационалистической партией трудящихся масс.

В связи с этим партия сочла необходимым помочь возрожденным нациям нашей страны - встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои, национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы,- правда, немногочисленные, - которые пытаются тормозить подобную политику партии.

Это означает, что партия поддерживает и будет поддерживать развитие и расцвет национальных культур народов нашей страны, что она будет поощрять дело укрепления наших новых, социалистических наций, что она берёт это дело

под свою защиту и покровительство против всех и всяких антиленинских элементов.

Из ваших писем видно, что вы не одобряете такую политику нашей партии. Это потому, во-первых, что вы смешиваете новые, социалистические нации со старыми, буржуазными нациями и не понимаете того, что национальные культуры наших новых советских наций являются по своему содержанию социалистическими культурами. Это потому, во-вторых, что вы - извиняюсь за грубость, - серьёзно хромаете в вопросах ленинизма и очень плохо разбираетесь в национальном вопросе.

Обратите внимание хотя бы на следующее элементарное дело. Все мы говорим о необходимости культурной революции в нашей стране. Если относиться к этому делу серьёзно, а не болтать попусту языком, необходимо сделать в этом направлении хотя бы первый шаг: сделать прежде всего начальное образование обязательным для всех граждан страны, без различия национальности, а потом и - среднее образование. Ясно, что без этого невозможно никакое культурное развитие нашей страны, не говоря уже о так называемой культурной революции. Более того: без этого у нас не будет ни настоящего подъёма промышленности и сельского хозяйства, ни надёжной обороны нашей страны.

А как это сделать, если иметь в виду, что процент неграмотности по нашей стране всё ещё очень велик, что в целом ряде наций нашей страны неграмотные составляют 80-90 процентов?

Для этого необходимо покрыть страну богатой сетью школ на родном языке, снабдив их кадрами преподавателей, владеющих родным языком.

Для этого нужно национализировать, т. е. сделать национальными по составу, все аппараты управления от партийных и профсоюзных до государственных и хозяйственных.

Для этого нужно развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения на родном языке.

Почему - спрашивают - на родном языке? Да потому, что миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке.

После всего сказанного, мне кажется, не так уж трудно понять, что никакой иной политики в национальном вопросе, кроме той, которая ведётся теперь в нашей стране, не могут вести ленинцы, если, конечно, они хотят остаться ленинцами.

Не так ли?

Ну, давайте кончим на этом.

Думаю, что я ответил на все ваши вопросы и сомнения.

С ком. приветом И. Сталин

18 марта 1929 г.

И.В. Сталин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ЛЕНИНИЗМ	139
1. ПОНЯТИЕ “НАЦИЯ”	139
2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИЙ	141
3. БУДУЩНОСТЬ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ	145
4. ПОЛИТИКА ПАРТИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ	152

Библиотечка отдела
по национальной политике
ЦК КПРФ

В.И.Ленин, И.В.Сталин
о национальном вопросе
(г. Москва, 2013)

Ответственный за выпуск
И.Н.Макаров

ООО «Правда–Пресс»
125993, Москва, ул. «Правды», 24, тел. 8 (499) 257-42-78

Подписано в печать 27.01.2013.
Формат 60x88 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 89.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО фирма «Псковское возрождение».
ИНН 6027024264. 180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6